

ПРОФЕССОРСКИЙ ЖУРНАЛ.

Серия: РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

№ 2(10)/2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.П. Клубукова, д.п.н., профессор,
член-корреспондент РАО, академик МАНПО,
зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член
Петровской Академии наук и искусств, МАДИ
Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина
Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО,
ректор, РГПУ имени А.И. Герцена
Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ
А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор,
Литературный институт имени А.М. Горького
Е.Н. Виноградова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.А. Вишняков, д.п.н., профессор, член-корреспондент МАНПО,
зав. кафедрой, МПГУ
В.А. Воропаев, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ
Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ
В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ,
МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических
исследований РУДН
В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кузьмина, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
О.В. Макарова, к.п.н., преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова
Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ
Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы
образования РФ, СПбГУ
Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН
Т.И. Полова, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, СПбГУ
И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ
М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова
Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ,
директор межвузовского центра билингвального
и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена
Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого
Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
Санкт-Петербургский горный институт
И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

Л.П. Клубукова

К недавней истории изучения грамматического класса русских
предлогов и их функциональных эквивалентов..... 2

М.В. Всеволодова

Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии:
морфология и синтаксис» (русский язык) 4

Г.А. Золотова

К проблемам изучения предлогов 18

ЛИНГВИСТИКА: СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ, ДИСКУРС

С.Г. Мамечков

Односложные и двусложные формы Тв.ед. в языке прозы
начала XIX века: Пушкин и Марлинский..... 24

Т.М. Григорьева

Орфографическая деятельность М.В. Панова..... 30

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.М. Дмитриева, В.И. Пьянкова

Особенности семантики синтаксических конструкций
в лирике В. Набокова..... 38

М.С. Щавлинский

Н.П. Кондаков и Бунины: история первой встречи 43

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

К.А. Рогова

О специфике комментирования художественного текста
в иноязычной филологической аудитории 50

Адрес редакции:

115035 г. Москва,
Космодамианская набережная
д. 26/55, стр. 7
e-mail: redactor@profsobranie.ru

Учредитель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская
набережная 26/55, стр. 7)

Издатель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д.26/55, стр.7)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 79623.

К недавней истории изучения грамматического класса русских предлогов и их функциональных эквивалентов

Наука на любом этапе ее существования является целостной монолитной системой взаимосвязанных концептов. Но, как всем хорошо известно, за каждым из научных понятий стоят конкретные люди. Те, кто на вполне определенном этапе развития науки ввел то или иное понятие в научный оборот, кто отстаивал его в дискуссиях, показал возможности применения данного понятия в практике научных исследований, а затем и в педагогическом процессе (например, в лингводидактике).

Мы все помним, как иногда за 5–10 лет облик того или иного раздела нашего филологического знания коренным образом менялся. С точки зрения общего развития науки это ничтожно малый срок, это своего рода уровень ее «микроистории», но для конкретной научной отрасли несколько лет могут определять совершенно новый этап ее развития. Так, например, случилось с морфологией русского языка, которая благодаря работам А.В. Бондарко и его научной школы в конце 60-х — начале 70-х годов XX века неожиданно для многих активно включилась в разряд коммуникативно-функциональных разделов языкознания и на время даже стала центральным объектом функциональной грамматики. Другой пример: на рубеже XX–XXI веков резко обострился интерес лингвистов к служебным словам, которые превратились из элементов традиционно периферийного сегмента словарного запаса в объект изучения, приносящий исключительно важные для современной грамматики результаты. Еще один пример такого рода можно привести из смежной по отношению к филологии области научного знания — из теории преподавания языков, где примерно в тот же период сформировалась тестология — важнейший раздел современной лингводидактики.

Как кажется, изучение ключевых этапов развития науки последних десятилетий не менее интересно и важно, чем обобщающие исследования, охватывающие века и тысячелетия ее становления. Значимым событием, маркирующим один из таких этапов современной лингвистики, явилась международная научная конференция «Грамматика славянского предлога. Синхрония и диахрония», которая была проведена два десятилетия тому назад, 28–30 октября 2003 г., на филологическом факультете МГУ при поддержке гранта РФФИ 02-06-80435. Данный научный форум наглядно показал, как радикально изменились представления лингвистов о предлоге и его функциональных эквивалентах за 10–15 лет, предшествовавших этой конференции.

Традиционно считалось, что предлогов русском языке ничтожно мало. Так, в академической «Русской грамматике» (1980) отмечается не более 200 единиц, участвующих вместе с падежными окончаниями в выражении актантных, сирконстантных и определительных отношений. На фоне этих представлений материалы названной выше конференции звучали сенсационно.

Отметим, что, это была не обычная — «сборная» по содержанию — конференция, программа которой, как это нередко бывает, стихийно «лепится из того, что было» у потенциальных участников форума на момент рассылки приглашения принять в нем участие. Дело в том, что на рубеже XX–XXI веков над разработкой одной и той же научной проблематики на материале разных славянских языков (принципы изучения предлогов и их лексикографической фиксации) сформировалось и успешно работало содружество целого ряда известных российских, белорусских, украинских, болгарских, польских и сербских ученых. Неформальными лидерами этого содружества были профессора М.В. Всеволодова (Москва), А.А. Загнитко (Донецк) и М.И. Конюшкевич (Гродно),

которые руководили национальными лексикографическими коллективами, готовящими к изданию словари предлогов (соответственно — русского, украинского и белорусского языков). Материалы этих словарей убедительно демонстрировали наличие тысяч предлогов и их функциональных эквивалентов в каждом из родственных восточнославянских языков.

Конференция 2003 года стала, бесспорно, значимым этапом в реализации данного научного проекта. Важно, что форум привлек широкий круг лингвистов из разных стран (из Армении, Ирана, Испании, Казахстана, Норвегии, Финляндии, Эстонии), до тех пор не занимавшихся разработкой указанной проблематики, но пожелавших ознакомиться с результатами проведенных исследований, участвуя в конференции.

К сожалению, подготовленный к печати сборник научных докладов, прозвучавших на конференции, в свое время не был опубликован. И сегодня издать данный сборник в полном составе невозможно, поскольку многие из прочитанных тогда докладов уже опубликованы в научной периодике. В то же время некоторые значимые доклады, из числа до сих пор по ряду причин не вышедших в свет, мы считаем необходимым сделать достоянием широкой научной общественности, чтобы дать возможность современному читателю ощутить саму атмосферу перехода от одного состояния научного знания к другому.

Прежде всего, мы сочли необходимым опубликовать пленарный доклад Майи Владимировны Всеволодовой (26.06.1928 — 5.02.2020), организовавшей данную конференцию. Подчеркнем, что именно М.В. Всеволодова, пришедшая в большую науку от практики преподавания русского языка иностранным учащимся и ставшая в итоге общепризнанным авторитетом в области функциональной грамматики, явилась одним из инициаторов ломки традиционных представлений о грамматике предлога. Она нашла аргументы в пользу развития комплексного системно-функционального подхода к предлогу (позволяющего разработать новую классификацию предлогов и их эквивалентов) и объединила предложные единицы разных типов в особое функциональное поле.

Не менее интересно познакомиться с критическими высказываниями относительно грамматической концепции М.В. Всеволодовой, которые прозвучали на конференции в пленарном докладе Галины Александровны Золотовой (4.08.1924 — 2.07.2020), выдающегося специалиста в области функционального синтаксиса. Отметим, что к моменту начала работы коллектива под руководством М.В. Всеволодовой над словарем русских предложных единиц уже вышел в свет «Синтаксический словарь» Г.А. Золотовой, основная часть которого была посвящена исчерпывающей характеристике субстантивных падежных и предложно-падежных синтаксем. Поэтому трудно представить себе более компетентного специалиста, анализирующего альтернативный подход М.В. Всеволодовой к формальной и функционально-семантической систематизации предлогов и их эквивалентов, чем Г.А. Золотова.

В этом номере мы публикуем тексты докладов двух выдающихся лингвистов современности и выражаем глубокую благодарность родным М.В. Всеволодовой и Г.А. Золотовой, давшим разрешение разместить эти материалы на страницах нашего журнала.

Предлагаемые к печати тексты публикуются в авторской редакции. В ряде случаев в сносках даются примечания редакционной коллегии журнала, позволяющие современному исследователю лучше понять термины и научную фразеологию начала века. В следующем номере мы планируем предложить вниманию наших читателей тексты докладов ряда других видных специалистов в области русского предлога, прочитанных на конференции в 2003 году.

Главный редактор,
член-корреспондент РАО,
доктор педагогических наук, профессор
Любовь Павловна Клобукова

Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (русский язык)

М.В. Всеволодова,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье вводится понятие предложных единиц, объединяющее все средства языка, способные функционировать в качестве предлогов; рассматриваются основные блоки атрибуции предлога как набора его характеристик во всех ракурсах его функционирования в речевых построениях. В первом блоке обсуждается выбор объекта представления; второй блок посвящен структурной типологии предлогов; в третьем — рассматриваются возможные позиции предлога в синтаксеме; последний блок связан с семантикой предлогов и их синонимикой.

Ключевые слова: предлог, эквивалент предлога, парадигма, значение предлога.

К настоящему времени в соответствии с международным научным проектом «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (подробнее о нем см.: [Всеволодова и др. 2003]) для русского, белорусского, польского и украинского языков составлены реестры предлогов и их эквивалентов в рамках синхронии (пока не включающие ресурсы диалектов), насчитывающие по 1500 и более единиц¹. Изучение материала русских предложных единиц в рамках данного Проекта выполняется с позиций функционально-коммуникативной модели языка [Амиантова и др. 2001]. Объектом исследования являются предложные единицы, включающие в себя как собственно предлоги, однозначно относящиеся к категориальному классу — части речи —

предлогов, так и изофункциональные им единицы, каковыми могут быть:

1) сочетания слов, выполняющие функции предлога и только предлога, типа: *вплоть до (осени), в непосредственной близости к (метро)*; их можно называть **предложными сочетаниями** (термин М.И. Конюшкевич);

2) словоформы других частей речи, либо выступающие в определенных условиях в значении предлога, как, например, некоторые формы существительных с параметрическим значением типа *длинной (сто метров), с энергией (свыше десять в двадцатой), на глубине (до ста метров)* (см. публикации М.И. Конюшкевич); либо компаративы типа *выше (двух метров), южнее (Москвы)*; либо аналоги предлога, образующиеся «по потребности» и по аналогии с уже имеющимся предлогом, ср.: *во избежание (неприятностей) и во искупление (грехов); в ожидании (встречи) и в предвкушении (похвал), в предвидении (катаклизмов)* — в нашей литературе такие единицы называют либо предложными фразеологизмами², либо

¹ В итоге после Конференции 2003 г. для белорусского и польского языков вышли трехтомные словари предлогов: в белорусском словаре около 10 000 единиц [Конюшкевич 2008–2010], в польском — более 5 000 [Lachug 2019–2021]; для украинской предложной системы опубликован словник (1705 единиц) [Загнітко и др. 2007]; для русского языка опубликован первый том словаря предложных единиц (буквы А–В, 1670 словарных статей) [Всеволодова и др. 2018]. — *Прим. ред.*

² О фразеологических предлогах см. работы Челябинской научной школы, в частности [Шиганова 2003]. — *Прим. ред.*

релятивами, см. исследования А.Ф. Прияткиной и других ученых³. Причем эти единицы могут выступать как в виде собственно словоформы, так и в составе предложных сочетаний. Предложные единицы этих типов мы назвали **эквивалентами предлогов**.

Первой для всего множества предложных единиц является оппозиция по принадлежности / не принадлежности к морфологической части речи — предлогу, которая реализуется в двух подмножествах: 1) собственно предлоги и 2) эквиваленты предлогов. Таким образом, мы рассматриваем функциональную категорию предлога как некоторое поле, в котором роль ядра выполняют собственно предлоги (и построенные на их основе предложные сочетания). Ближайшую периферию поля (его приядерную зону) составляют единицы, выступающие в значении предлога, а более отдаленную периферию — аналогии предлога. На самой дальней периферии оказываются предложные окказионализмы. Структура выделяемого нами функционального поля предлогов фактически очень близка полю, построенному П.П. Шубой на теории нестрогих множеств [Шуба 1971].

Мы не ставим перед собой цели выявления нормативных, стилистических или каких-либо других ограничений функционирования обнаруженных нами предложных единиц (но, разумеется, соответствующим образом маркируем стилистическую принадлежность единиц), поскольку нас интересует данная категория в ее функционировании. В соответствии с этим **предложные окказионализмы** могут оказаться потенциальными предлогами будущего. Нами отмечены окказионализмы трех типов:

1) Окказионализмы-метафоры типа *рассмотреть проблему на канве этногенеза; вопросы, появившиеся на горизонте научных знаний* (отметим, что ни слово *канва*, ни слово *горизонт* не требуют распростра-

нения родительным приименным); именно эти образования легко переходят в аналогии предлогов⁴.

2) Окказионализмы, в той или иной степени нарушающие норму; это могут быть:

а) контаминации типа *прийти в сообществе с друзьями* (ср. *прийти в сообществе друзей — прийти с друзьями*);

б) своего рода морфологические варианты, где может варьироваться:

— падежная форма управляемого существительного при сохранении морфосинтаксической структуры предлога (предложной единицы), ср.: *в ущерб зерну — в ущерб зерна; в дополнение к рассказу — в дополнение рассказа; в противоход вратарю — в противоход к вратарю — в противоход с вратарем*;

— падежная форма стержневого существительного, формирующего предложную единицу: *в противоход к вратарю — в противоходе к вратарю*⁵;

3) «сиюминутные» индивидуальные, часто шуточные образования типа отмеченного нами в устной речи: *Приеду *бесприщеплятельно к покупкам*; = *Приеду безотносительно к тому / вне зависимости от того, сделаю или не сделаю покупки*.

Первичное осмысление категории предлога на большом массиве материала в наших языках позволило участникам Проекта представить набор характеристик (возможно, не окончательный), необходимых как для адекватного представления этой единицы в словарной статье, так и для ее описания как языковой категории в грамматиках наших языков.

⁴ Этот тип предложных окказионализмов в более поздних работах был назван потенциальными предлогами и «сдвинут» ближе к ядру поля, в приядерную периферийную зону; уточненную структуру функционально-грамматического поля предложных единиц см. [Всеволодова и др. 2014: 77–78]. — *Прим. ред.*

⁵ Варианты предложной единицы были позднее объединены понятием парадигмы, в дальнейшем была разработана и типология парадигм предложных единиц, см. [Всеволодова и др. 2014], [Виноградова, Клобукова 2022]). — *Прим. ред.*

³ Термином «релятивы» активно пользуются ученые Дальневосточной синтаксической школы, см. [Шереметьева 2008] и др. — *Прим. ред.*

Мы берем предлог **во всех ракурсах его функционирования в речевых построениях**. Этот набор характеристик мы назвали **атрибуцией предлогов**. Сейчас атрибуция включает 26 позиций [Всеволодова и др. «Материалы», в печати⁶]; некоторые из них суть многоуровневые оппозитивные системы, например, позиция 8-я — «морфосинтаксическая структура предлога». Рамки данной статьи позволяют рассмотреть лишь некоторые проблемы описания русской предложной системы, и лишь в самом общем виде (в публикациях наших украинских, белорусских, польских, болгарских коллег и российских участников Проекта представлены и некоторые дополнительные подробности характеристики предложных единиц).

1. Первый блок вопросов атрибуции предлогов связан с **выбором объекта представления**, то есть с верификацией лексической или лексико-синтаксической единицы с точки зрения выполняемой ею функции. Для этого нам было необходимо, во-первых, сформулировать определение предлога как части речи, при этом мы, вслед за М.В. Пановым [Панов 1999], исходили из собственно грамматических характеристик предлога безотносительно к лексическому значению и функциям⁷.

⁶ Первый том словаря русских предлогов и средств предложного типа, о сдаче которого в печать писала в 2003 г. М.В. Всеволодова, был опубликован по не зависящим от авторов причинам лишь через 15 лет [Всеволодова и др. 2018] и в несколько модифицированном виде: атрибуция в нем включает 15 позиций. Сокращение позиций атрибуции произошло благодаря объединению ряда позиций в одну; в частности, различные типы вариантов предлога включены в одну позицию: «парадигматика». — *Прим. ред.*

⁷ М.В. Всеволодова пишет о принимаемых ею общих принципах разграничения частей речи, сформулированных М.В. Пановым; при этом, однако, следует иметь в виду, что вслед за Ф.Ф. Фортунатовым и другими учеными Московской грамматической школы М.В. Панов применяет понятие «часть речи» по отношению не ко всем грамматическим классам слов, а только к знаменательным словам (способным составлять самостоятельную синтаксему в понимании Г.А. Золотовой). Для М.В. Всеволодовой был характерен более широкий, виноградский подход к установлению реестра частей речи, он

Что касается дефиниции функций предлога, то таковых, с нашей точки зрения, две: семантическая и структурно-смысловая (см. [Всеволодова и др. 2003]). Во-вторых, нужно было выработать комплекс верификационных операциональных методов, позволяющих объективировать наше определение данной единицы как выполняющей функции предлога.

Одной из главных характеристик предложной единицы является ее сочетаемость с управляемой падежной формой существительного или его субститута; при этом управляемой формой существительного может быть и именительный падеж (Ни⁸), ср.: *Вошел парень в кафтане а-ля казак* (Интернет, далее — Инт.).

Примечание. Что касается управления, то мы вслед за Е.С. Скобликовой определяем управление как формальный способ включения имен существительных и их субститутов в синтаксические построения [Скобликова 1971: 32]. Соответственно, Ни органично входит в категорию управления.

Отметим, что в наших языках есть предлоги, присоединяющие не только существительное, но и инфинитив — как системно: *с целью познакомиться, в расчете узнать, в надежде найти*, так и окказионально: *Как ты насчет пообедать? Выйти под видом покурить*. Ряд предлогов системно сочетается с наречиями: *ждать до завтра, оставить на потом, сдать на отлично*. Основной тип сочетаемости (управляемая форма / инфинитив) дается в первой позиции атрибуции, факультативные сочетаемости — позже.

Мы вводим понятия **семантической и текстовой** (внешней и внутренней в [Всеволодова и др. 2003]) **парадигм** предлога

включает и служебные слова, в том числе предлоги. — *Прим. ред.*

⁸ Для представления падежных форм используется следующая символика: именительный п. — Ни; родительный п. — Nr; дательный п. — Nd; винительный п. — Nv; творительный п. — Nt; предложный п. — Nп.

(термины О.В. Кукушкиной). В словарях русского литературного языка⁹ для некоторых мотивирующих лексем даны все возможные реализации их в роли предлога, например: *в пределах — в пределы — вне пределов — из пределов — за пределами чего* (СОШ). Это и есть семантическая парадигма предлога. Другие, как, например, *в сфере, в области, в стадии чего*, даны в словарях только одной реализацией, хотя вполне системны употребления типа *из сферы торговли, в сферу бизнеса, из области фантазии, в область науки, перейти из стадии разработок в стадию промышленного производства*. Значит, словоформы *в сфере — из сферы чего* и др. тоже суть предложные единицы и входят в наш реестр на правах членов семантической парадигмы. Каждый член такой парадигмы представлен отдельной статьей (о текстовой парадигме см. публикации М.А. Валуевой, Е.Н. Виноградовой и В.Л. Чекалиной).

2. Второй блок проблем атрибуции предложных единиц связан с их **структурой**. Этот блок как бы подстраивается в уже существующую оппозицию предлогов и их эквивалентов и составляет второй ранг разбиения множества на подмножества [Ломтев 1973]. В отличие от принятого в нашей грамматике деления всех предлогов на простые (однословные) и составные (двух- и трехсловные), мы сочли нужным принять во внимание — до рассмотрения собственно их морфосинтаксической устроенности — такой их критерий, как немотивированность (или первичность — 2.1) и мотивированность (вторичность — 2.2.) предлога. Эта оппозиция «работает» внутри подмножества собственно предлогов, поскольку все эквиваленты предлогов од-

нозначно относятся к мотивированным (вторичным).

2.1. К немотивированным (первичным) мы отнесли два класса единиц.

2.1.1. Первообразные предлоги, к которым относят часть однословных предлогов, не связанных «мотивационными отношениями со знаменательными словами», унаследованных русским языком из общеславянского лексического фонда и составляющих «закрытую группу простейших слов элементарной структуры» [Энциклопедия 1997: 369]. Мы сочли необходимым уточнить состав этой группы. К списку академической «Русской грамматики» 1980 (в дальнейшем сокращенно: РГ-80) мы добавили предлоги:

вне, обычно определяемый как отна- речный [РГ-80, § 1656], что представляется сомнительным: в современном языке случаев наречного употребления лексемы *вне* нет; СОШ и МАС маркируют данную лексему как предлог, БАС отмечает устарелый характер ее наречных употреблений; к тому же *вне* — антоним *в* (*в доме — вне дома*), а их соотношение со словами типа *снаружи / внутри* укрепляет нас в мысли, что *вне* — это первообразный предлог;

опричь, помеченный в МАС как «устар. и обл.», а в [Богданов 1997] — как первообразный предлог;

близ; чрез, находящийся с предлогом *через* в тех же отношениях, что и предлоги *перед / пред*;

против, см.: [Пешковский 2001], с вариантом *противу*, наречное происхождение которых весьма сомнительно.

В итоге получился список из 31 первообразной предложной единицы: *без / безо, близ, в / во, вне, для, до, за, из / изо, к / ко, кроме, меж, между, на, над / надо, о / об / обо, опричь, от / ото, перед / передо, по, под / подо, пред / предо, при, про, против / противу, ради, с / со, сквозь, у, через / чрез* (в специальной литературе обсуждается также вопрос о таких морфологических вариантах последнего предлога, как *чрезо* и *черезо*, см. [РГ-80, 706–707], хотя мы не нашли случаев употребления в совре-

⁹ На данном этапе работы мы активно пользовались словарями: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М. 1992 (далее СОШ); Словарь русского языка в четырех томах. М. 1957–1961 (далее МАС); в меньшей степени Словарем современного русского языка в 17-и томах 1950–1965 (БАС).

менной речи морфонологического варианта *черезо*¹⁰.

Как известно, некоторые из этих предлогов управляют двумя, тремя и даже четырьмя падежами (предлог *по*), что позволяет представлять их в словаре в самостоятельных статьях (таков подход и в [Шахматов 2001]). С учетом различий в управлении наш список возрастает до 66 единиц. Отметим, что в диалектах управление предлогов может количественно и качественно отличаться от общезыкового. Так, по данным О.Г. Гецовой, в архангельских говорах предлог *о* управляет и родительным падежом (см. публикации О.Г. Гецовой и И.Б. Качинской).

Примечание. Список первообразных предлогов, несмотря на кажущуюся простоту вопроса, не установлен однозначно (см. об этом [Солоницкий 2003: 5–10]). По традиции одной единицей считается предлог, управляющий несколькими падежными формами, причем наряду со случаями, когда различия в управлении связаны с различиями в семантике самой синтаксемы (мотивированное управление), как, например: *в школу* — *в школе*; *с овцу* (размером) — *с овцы* (шерсти клок) — *с овцой* (идти) и под. В ходе исследования этого вопроса были отмечены следующие случаи выбора управляемой формы (в том же мотивированном управлении), который может определяться:

1) функционально-семантическим классом слов управляемого слова, то есть фактором лексическим, и различия в форме не вносят различий в семантику именной группы: *в среду* (названия дней недели, Nв) — *в мае* (названия месяцев, Nп), *в прошлом году* (названия временных единиц, Nп) — *в прошлое воскресенье* (названия дней недели, Nв);

2) категориальным классом управляемого слова при сохранении тождества в значении: *скупать по брату / по сестре* (Nд) — *скупать по нём / по ней* (Nп);

3) способностью / неспособностью отдельных слов внутри категориального класса выступать в сочетании с тем или иным предлогом при выражении одного и того же значения (например, разделительности) в определенной форме: *купили по одной книге* (Nд) — *по две книги / по пять книг* (Nв); ср. варианты: *раздали по пять / по пяти книг*; в этом случае при одном предлоге возможны две падежные формы: *каждому заплатили по одной тысяче* (Nд) *двести* (Nв) *сорок* (Nв) *одному рублю* (Nд).

Нужно также принимать во внимание особые случаи, когда различия в управлении могут не вносить различий в семантику именной группы, ср. с п. 1). Так, предлоги *меж* и *между* абсолютно идентичны (что проверено на авторитетном языковом материале разных жанров и стилей) как при Nр, так и при Nт существительных в форме мн.ч.: *меж досок* (Nр) — *меж досками* (Nт) — *между досок* (Nр) — *между досками* (Nт). Ограничения носят скорее синтаксический характер: при наличии сочетания типа *N и N* возможен только творительный п.: *меж окном и дверью, между окном и дверью*. Таким образом, вопрос о количественном составе первообразных предлогов зависит и от потребностей описания предложной системы русского языка.

2.1.2. Предлоги-наречия — амбивалентные образования: *близ, возле, мимо, около*. По нашему мнению, это собственно предлоги, поскольку пространственный ориентир входит как актант в их толкование. А их так называемая наречная ипостась в большинстве случаев представляет употребление их с нулевой формой анафоры — личного местоимения, ср.: *Он не заметил меня и прошел мимо*. Такие единицы есть и среди вторичных предлогов: *Она давно ушла, а он все смотрел вслед* (о другом случае квазинаречного употребления см. ниже.)

2.2. К мотивированным мы отнесли предлоги — дериваты от других частей речи: от существительных — типа *путем чего, в связи с чем, вблизи чего*; от прилагательных — типа *касательно чего, относительно чего*; от деепричастий — типа *благодаря чему, несмотря на что*, кото-

¹⁰ См. однако в Викисловаре: *черезо* — то же, что *через* (употребляется перед некоторыми сочетаниями согласных ♦ *Черезо льды*. — *Прим. ред.*

рые могут иметь очень разную структуру (см. публикации А.А. Воронковой). Собственно отнаренных предлогов мы не нашли.

Следующий ранг разбиения представляет оппозицию **предлогов** и упоминавшихся выше **предложных сочетаний**, т. е. связан с наличием в составе предложного образования факультативных или облигаторных лексем других частей речи. Это пропорциональная оппозиция, поскольку в конъюнкции с дополнительным компонентом — прилагательным или наречием — могут выступать как предлоги (первичные и вторичные), так и эквиваленты предлогов. Этот компонент может быть или облигаторным, как, например, в контекстах типа в **непосредственной близости от дома**, *сидеть ближе к сцене*, где словоформы *непосредственной*, *ближе* нельзя вывести из состава предложного образования, или факультативным и семантически, и структурно: *раздать всё, вплоть до последней рубашки*, ср. *раздать всё до последней рубашки*; или только структурно: *подойти ближе к сцене — подойти к сцене*. Такие включения в составе предложных сочетаний мы назвали **конкретизаторами**.

В зависимости от статуса образующего их предлога они входят или в ядро поля предлогов, как приведенные выше, или в его периферийные зоны. Отмечены три типа конкретизаторов: **скаляры** — *задолго до начала, в непосредственной близости от дома*; **векторы** — *вдоль по улице; в личных интересах политиков*; и **квалитативы** — *в трудный период жизни*. Здесь мы вступаем в противоречие с РГ-80, но материал показывает системность таких явлений, тем более что не все предлоги способны принять такой конкретизатор, и эти позиции нужно выявить. Отметим, что иногда конкретизатор меняет управление, ср.: *неделю назад* и *более недели назад*; или нейтрализует антонимичные предлоги: *стоять близко к дому — близко от дома*. Первичные наблюдения показывают также, что некоторые конкретизаторы несут в себе имплицитные модусные смыслы и ха-

рактеризуются определенной интонацией, ср.: *Можно остаться здесь хотя бы до среды / хоть до среды?* — *Оставайтесь хоть до пятницы*. Выявление и семантизация этих смыслов — дело будущего. В любом случае эти единицы в составе предложных сочетаний требуют специального изучения, и нам не столь важно, как мы назовем входящую в них форму существительного, сколь важно понять, как функционируют наши единицы в речевых построениях.

Что касается морфосинтаксической структуры предлогов и эквивалентов предлогов, то мы выделяем: 1) простые, 2) сложные и 3) составные предложные единицы.

Простые предложные единицы состоят из одного компонента, каковым может быть или собственно предлог: *для (работы)*, *мимо (дома)* и т. п., или же морфологическая форма слова — дериват: *методом (нагревания)*, *касательно (отъезда)*, *благодаря (операции)*.

Сложные предложные единицы несколько разнятся в рамках первичных (первообразных) и вторичных предлогов.

Первообразные сложные состоят из двух или трех простых первообразных предлогов и присоединяют одно существительное. Кроме традиционно относимых к этой группе предлогов с дефисом типа *из-за (леса)*, *из-под (стола)* (первообразные предлоги-сращения в терминах [РГ-80 1: 707]), а также *с-под (с-под площади Красной — Маяковский)*, *по-над (берегом)* *по-за (речкой)*, *из-среди (нас)*, *из-промежду (ресниц)* и возможных аналогичных, мы включаем сюда предлоги со слитным написанием типа *напротив*, *на-супротив*, *извне*, *промеж*, *заради* и с раздельным написанием *для ради (детей)*, *за ради (денег)*, *за через (границу)*, *из между (нас)* и др. Написание таких предлогов (слитное, раздельное, через дефис) — вопрос конвенциональный. Ср. орфографические варианты отыменных предложных дериватов: *в глубь / вглубь (парка)*, *в догонку / вдогонку за (беглецом)*. Полный

список таких предлогов еще не составлен¹¹.

Вторичные сложные предлоги в деривационном плане всегда представляют собой словоформу исходной субстантивной лексемы, сросшаяся с первообразным предлогом, который в структуре вторичного предлога становится приставкой: **ввиду** (болезни), **вблизи** (леса), **сбоку** (шкафа). Поскольку вторичные предлоги (и простые, и сложные) представляют собой одно слово, мы в нашей системе в рамках вторичных предлогов ввели оппозицию: **однословные, или однокомпонентные** (простые и сложные) и **двух- и трехсловные, или многокомпонентные** (составные) предлоги¹².

Составные предлоги состоят из нескольких самостоятельных компонентов.

При использовании первичных первообразных предлогов для образования подобных предложных единиц образуются следующие формальные типы составных предлогов.

1) Сочетания двух или трех первообразных предлогов: **за час до урока; через год после войны**. В этом случае первая составляющая фактически является конкретизатором — а именно либо скаляром: **за год до защиты диссертации**; либо вектором: **к югу от Москвы**; при этом конкретизатор может быть либо факультативным: **за час до урока — до урока (позвонил)**; либо облигаторным: **на юг от Москвы (живет) — *от Москвы живет**.

2) Сочетания предлога с отрицанием: **не до (отдыха), не без (труда)**; говоря об отрицании, мы имеем в виду только те

случаи, когда отрицание входит в состав предлога как его компонент, ср. **Я иду не в школу, а в парк**, — здесь отрицание в состав предлога не входит.

При образовании вторичных составных предлогов выделяются сочетания исходной производящей словоформы:

1) с первообразным предлогом (предлогами): **в отношении (друга), смотря по (обстоятельствам), по отношению к (другам)**;

2) с отрицанием: **не включая (детей), не доходя (дома), невзирая на (обстоятельства)**.

Но, кроме того, составные предлоги образуют две группы в зависимости от степени «самостоятельности» каждой из его составляющих. Первую группу составляют предлоги, имеющие при себе одно существительное, когда весь комплекс составляющих выступает как одно целое, см. примеры выше: **в отношении друга, по отношению к другу, в связи с отъездом** и под. Такие составные предлоги мы назовем **однопадежными** (или **моносубстантивными**). Вторую группу составят предлоги, где каждая составляющая управляет собственной словоформой. Это правомерно как для первообразных: **за час до урока, в километре от берега**, так и для вторичных предлогов **в благодарность другу за помощь**. Такие предлоги мы назвали **дистантными** (термин Е.В. Клобукова), или **полисубстантивными** (двух- и трехпадежными). Таким образом, в рамках составных предложных единиц, образованных с использованием первообразных предлогов, предложные единства **не до (кого-чего), не без (чего)** — это **моносубстантивные**, а **за... до ..., через ... после ..., в ... к... от...** и проч. — **дистантные, двух- и трехпадежные** (подробнее о морфо-синтаксической типологии предлогов см. публикации А.А. Воронковой¹³). Отметим также, что были выявлены единицы **двухпадежные**, но не **дистантные**, то есть **составной предлог** может образовывать целостную структуру, управляющую двумя

¹¹ К сказанному М.В. Всеволодовой в 2003 году можно добавить, что в изданном под ее редакцией 1-м томе словаря русских предлогов, фиксирующем предлоги на буквы А–В [Всеволодова и др. 2018], учитываются и представлены отдельными статьями все возможные варианты написания предлогов; отсюда эту информацию можно извлечь отдельным списком; но специальных публикаций на эту тему до сих пор не было. — *Прим. ред.*

¹² В дальнейшем, в частности в работе [Всеволодова и др. 2014], авторским коллективом словаря русских предлогов были использованы более удачные термины: **моноксемные** (простые и сложные) и **полилексемные** (составные) предложные единицы. — *Прим. ред.*

¹³ См. также книгу [Всеволодова и др. 2014] и статьи [Всеволодова 2012а, 2012б].

именами; таков, например, аналог предлога **в поле чего** — *кого-чего: в поле внимания исследователей, в поле действия гравитационных сил Земли, в поле предвыборной игры политиков.*

3. Третий блок вопросов атрибуции предложных единиц связан с **позицией предлога в синтаксеме**. Внутренняя форма слова *предлог* указывает на его препозицию по отношению к вводимой словоформе, однако возможны и другие позиции. Например, (3.1) некоторые предлоги выступают только в постпозиции, как, например: *неделю назад, часом позже*, (3.2) другие системны в обеих позициях: *ради справедливости — справедливости ради*, (3.3) третьи могут выйти в постпозицию только при рематическом ударении: *Пишу не только денег ради, но и славы для.*

Кроме трех вышеотмеченных должны быть выделены еще несколько нетривиальных возможностей позиционного функционирования предлогов.

3.4. Интерпозиция первообразного предлога между словоформами одной лексемы, первая из которых, как правило, Ни: *Неделя за неделей наблюдали мы за птицами; Дома стоят стена к стене; Он пришел минута в минуту; работать бок о бок.* С предлогом *за* возможна препозиция Nв: *Выпускает книгу за книгой, пишет статью за статьей.* Возможна также вариативность Ни/Nт: *нос / носом к носу, плечо / плечом к плечу.*

3.5. Реже — интерпозиция предлога между словоформами разных лексем: *Гвозди лежат шляпка к ножке / шляпкой к ножке в два ряда.*

3.6. Особый случай — употребление предлогов с парными местоимениями типа *друг друга* и *один... другой*, а также с местоимениями *никто, ничто, некого, нечего*, и *кое-кто, кое-что*. Здесь возможна препозиция: *относительно друг друга* и интерпозиция: *один относительно другого*; при этом разные предлоги по-разному ведут себя с одним и тем же местоимением, ср.: интерпозицию *кое с кем*, и пре-

позицию *относительно кое-кого*. Компоненты вторичных составных предлогов часто пересекаются с компонентами таких местоимений: *по отношению друг к другу*, но: *один по отношению к другому*. Эти закономерности в нашей грамматике пока не выявлены и не представлены (см. также [Солоницкий 2003]).

3.7. Некоторые — не все — вторичные составные предлоги, в частности, предлоги с постпозицией первообразного предлога, дают инверсию компонентов, что связано, судя по всему, с актуальным членением, когда дериват ставится в фокусы: *Пришел вместе с братом*¹⁴ — *Пришел с братом вместе* или в фокусы темы: *С братом / вместе мы это сделаем; в замену за книгу — за книгу в замену.* В этой рамочной конструкции имя стоит в интерпозиции между компонентами составного предлога. Нужно выявить тенденции каждого предлога в этом отношении. Отметим, что предлоги, способные к инверсии, могут ставить свои составляющие в тема-рематические отношения: *От работы я живу далеко*. В данном случае *далеко* — семантически и структурно облигаторный конкретизатор-скаляр в предложном сочетании *далеко от кого-чего*, а не собственно наречие.

3.8. Интересны, на наш взгляд, контексты, когда позиция предложной единицы определяет выбор падежной формы. Словоформы типа *длиной, в длину* присоединяют квантитатив в форме Ни: *стержень длиной / в длину два метра*; структура с Nр типа **длиной / в длину двух метров* представляется невозможной и в нашем корпусе примеров не отмечена. Но употребление Nр квантитатива в препозиции к предложной единице типа *стержень двух метров длиной / в длину* — абсолютно системно.

¹⁴ В нашей системе представления интонационных конструкций используется следующая символика: ∨ (ИК-1), ↓ (ИК-2), ↗ (ИК-3), ↘ (ИК-4), Γ∩ (ИК-5), ↑ (ИК-6), ∩ (ИК-7). Стрелки ставятся перед словоформой в фокусе темы или ремы. В статье эта символика используется лишь в случае необходимости.

4. И последний из рассматриваемых в рамках статьи блок вопросов связан с **семантизацией предлогов и их синонимикой**. Эту наиболее трудную часть работы мы оставили «на потом», ограничившись в настоящее время в подавляющем большинстве случаев установлением логических отношений (пространственные, причинные и т. п.).

Разумеется, наибольшую трудность в этом отношении представляют первообразные предлоги — как простые, так и сложные. Перечисленные выше факторы, влияющие на выбор предлога и формы имени, релевантны для мотивированного управления, т. е. для семантически самодостаточных синтаксем. Кроме названных выше факторов, когда падежная форма имени (а значит и управление предлога) зависит от лексического значения припредложного имени (*в среду — в мае*) или его категориального класса (*скучать по брату — по нём*), есть еще ряд факторов, которые учитываются, в частности, при описании русского языка в целях его преподавания как иностранного. Трудность не только в том, что первообразные предлоги выступают в разных категориальных значениях, например, места: *в доме*, времени: *в мае*, состояния: *в гневе*; но они в рамках одной категории входят в разные синонимико-вариативные ряды и выражают значения, связанные с разными типовыми ситуациями, и соответственно имеют разное конкретное значение, ср.: *в среду / на Рождество (приехать) и в два года / за два года (построить)* [Всеволодова 1975, Всеволодова 1983]; *по приказу / на основании приказа (действовать) и по халатности / из-за халатности (не закрыл кран)*, но только: *из-за его халатности затопило квартиру* [Всеволодова, Ященко 1988]; ср. также: *в столе — на столе, в шкафу — на шкафу* — где налицо оппозиция значений, или: *остров в море / на море*, где оба локатива суть дублиеты, или *Нефтяные Камни — город в Каспийском море и Баку — город на Каспийском море*, где те же локативы суть различаются инвариантной семантикой [Всеволодова, Владимирский 1982]. Кроме этого, на

выбор падежной формы при одном предлоге или на выбор предлога при полном тождестве значений может влиять форма числа существительного: *в прошлом году — в прошлые годы, на этой неделе — в эти недели, в Альпах, в Андах, в Пиренеях — на Урале, на Тянь-Шане, на Памире*; тип определения (согласованное / несогласованное): *в прошлом году — в год окончания школы*, и его конкретное лексическое значение (класс слов-определений): *в сорок шестом году — в трудный послевоенный год*. Но конкретное значение определения не всегда тождественно лексическому значению. Разная категоризация лексически тождественных единиц может влиять и на управление: *в первом году нашей эры* (летоисчисление) — *в первый год учебы в школе* (конкретный ряд временных единиц), и на выбор предлога: *в сорок шестом году (родился) — на сорок шестом году жизни (понял)*. Известно и то, что в рамках одного лексико-семантического класса существительных могут существовать закрепленные индивидуальные употребления, ср. названия временных единиц: *в прошлом году, в прошлом месяце, веке и на прошлой неделе*; названия полуостровов: *на Камчатке, на Чукотке, на Пиренеях* (но *в Пиренеях* — о горах) и пр. и: *в Крыму* (ср. польск.: *на Крутіе*), *в Скандинавии, в Индокитае*. То же верно и для некоторых классов слов определений: *в первый день (месяц, год) — на второй / пятый / десятый день (месяц, год)*, где налицо собственнo-вариантные отношения полностью синонимичных предлогов; ср. также единственно возможное *в прошлом году и в будущем году / на будущий год, в следующем году / на следующий год*, где налицо свободная взаимозаменяемость предлогов **в** и **на**; то же для названий островов: *в Сицилии / на Сицилии, в Корсике / на Корсике, в Бахрейне / на Бахрейне*, но только *на Кубе; на Кипре, но в Исландии*. Как видим, проблема семантизации большинства первообразных предлогов в высшей степени многофакторна, и наш опыт описания лексико-синтаксических категорий времени, пространства, причины склоня-

ет нас скорее к выявлению значений классов синтаксисом [Золотова 2001], нежели к выявлению конкретных значений самих первообразных предлогов, за исключением, пожалуй, наиболее очевидных случаев, как, например, **без** со значением отрицательного предиката или же отсутствия; также: **меж, между, о**. Мы не говорим уже о том, что в случае немотивированного управления (где реализуется требование управляющего слова) выбор предлога и падежа может определяться семантикой как корневой морфемы глагола (**обойтись без кого-чего, играть на чем**), так и характером приставки (**вкрутить лампочку в патрон, выкрутить лампочку из патрона, прикрутить крючок к палке, накрутить волосы на бигуди**); анализ разных методик определения значений первообразных предлогов см. в [Солоницкий 2003].

Для вторичных предлогов эта проблема кажется несколько менее сложной, но и здесь есть нетривиальные случаи. Приведем лишь один пример. СОШ и МАС выделяют две предложные единицы: **за спиной кого-чего** и **за спиной у кого-чего** — с разными значениями (не маркируя их как предлоги или «в знач. предл.»). Опираясь, с одной стороны, на материалы этих двух словарей, а с другой — на собственно языковой материал, мы выявили, что оба морфо-синтаксических варианта: **за спиной кого-чего** и **за спиной у кого-чего** имеют абсолютно одинаковый набор основных значений, а именно:

1) ‘втайне, скрытно от кого-чего’: *Израильская оппозиция встречается с палестинцами за спиной правительства* (Инт.); — *Иракские генералы ведут переговоры с США за спиной у Саддама Хусейна* (Инт.);

2) ‘иметь чью-л. поддержку, помощь’: *Он чувствовал себя в безопасности за спиной директора. — За спиной у своего отца-генерала он не очень-то заботился о последствиях своих действий.* Именно в этом значении оба синонима входят в семантическую парадигму с единицей **за спину кого-чего** (*прятаться*);

3) ‘тайно оказывать кому-л. покровительство, поддержку» (МАС)’ — своего

рода конверсив к (2): *Кто стоит за спиной сепаратистов? Одни называют Организацию непредставленных народов (ОНН) “сборной мира по национал-сепаратизму”, другие считают ее сильной и авторитетной международной организацией* (Инт.); — *Большие деньги за спиной у Масса? В кругах Формулы Один ходят слухи, что бывшего пилота команды Sauber Фелипе Масса поддерживает серьезный спонсор, намеревающийся устроить судьбу бразильца в спорте в 2003 году. Называемая сумма составляет 4 миллиона долларов* (Инт.). Ср.: *За спиной этого молодого человека — отец-генерал;*

4) ‘в прошлом’: *За спиной нашей спортсменки два выигранных мировых первенства и серебро на Олимпиаде; — За спиной у любительницы частного сыска не одно раскрытое преступление.*

Но кроме этих «традиционных» значений, наш первичный (далеко не полный) анализ языкового материала, выявил:

а) еще одно общее для этой пары окказиональное значение ‘в окружении кого, рядом с кем’: *Правительство. За спиной М. Касьянова появился новый советник* (Инт.) = у Касьянова. — *Кто за спиной у лидеров?* (Сов.Сп., Инт.) = о составе сборной; *Введение к книге “Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник”* (Инт.) — *За спиной у серого кардинала КПСС* (Инт.), из книги о начальнике личной охраны одного из руководителей партии в послевоенные годы;

б) окказиональные значения предложной единицы **за спиной кого-чего**:

— ‘вне’: *“За спиной” обменного пункта* (Инт.) (о покупке-продаже валюты вне обменных пунктов). Ср. дублирование: *То, чем я зарабатываю свой хлеб, вне за спиной трудовой книжки* (Инт.)¹⁵.

— ‘в основе’: *Такие или другие мои беспокойства, разные беспокойства действительно вредны для других и для себя. Тогда, что именно стоит за спиной этих беспокойств? Это именно одно за другим*

¹⁵ Еще раз напоминаю, что мы при анализе предложных единиц не ограничиваемся рамками нормы и «правильности». Разумеется, в данном случае налицо нарушение нормы, но оно как раз и выявляет основной смысл единицы.

пристрастия, которые неохотно оставляю (Инт.).

в) окказиональное значение единицы *за спиной у кого*: 'нечто возможное или неизбежное в ближайшем будущем': *У них за спиной — опасность* (Инт.) = им грозит опасность; *Сынок, у меня уже старость за спиной, а с ней и болезни* (Устн.) = скоро старость.

Вместе с тем оказалось, что помимо лексического значения вторичные предлоги могут различаться еще и тем, что в одном случае они имеют только собственное лексическое значение, например *во избежание чего, под защитой кого*, а в других — одновременно выполняют функции, по которым мы дали этой группе предложных единиц рабочее название «функционально-семантический тип» (термин О.В. Кукушкиной; позиция 6 в атрибуции). Эти функции очень похожи на роль строевых предикатов и модификаторов в структурно-семантических модификациях предложения. Предикаты, маркирующие смысловые отношения указанного типа, — это, в частности, **реляторы** (концепция Т.П. Ломтева, термин Н.Д. Арутюновой), т. е. самостоятельные предикаты, называющие тип отношений между актантами или ситуациями, ср.: *Сократ — муж Ксантиппы, Засуха — причина неурожая* (где *муж* и *причина* — предикаты-реляторы), и *Неурожай по причине засухи* (где *по причине* — предлог-релятор). Отметим также выявленную нами для некоторых предлогов функцию **экспликатора** (или компенсатора, в терминологии Г.А. Золотовой), которую на уровне глагола выполняет грамматически главный и в то же время семантически ослабленный компонент описательного предиката типа *заниматься чтением (= читать)*. Аналогичную функцию выполняют некоторые предлоги, без которых можно обойтись, ср.: *открыть ножом — с помощью ножа, брошка бантиком — в форме бантика; быть другом — в числе друзей*. Близки к ним классификаторы (термин Е.Н. Вольф) — родовые слова, ср.: *в шоке — в состоянии шока, работать в медицине — в об-*

ласти медицины. Именно словоформы классификаторов легко предположиваются. Наконец, есть предлоги — аналоги **модификаторов**, ср.: *Изменение условий эксперимента — во власти руководителя* (модальный модификатор); *Он — чудак в глазах окружающих, Сталин уничтожал своих противников руками Ежова, Ягоды и Берии* (авторизационный модификатор: [Клобуков 1986]).

Отметим наличие мощных синонимических рядов предлогов, причем эта синонимика имеет разную природу, в соответствии с чем пришлось ввести понятия синонимов лексических (позиция 20 в системе атрибуции предлога) и морфологических (позиция 21).

К **лексическим** синонимам мы относим однокорневые и разнокорневые близкочленные предлоги, как, например: *близ чего, близко от чего, поблизости от чего, недалеко от чего, недалеко от чего*.

Для **морфологических** синонимов необходимо выделить четыре типа семантико-парадигматических отношений.

1) Это прежде всего случай, показанный выше, когда конкретизатор нейтрализует значения разных первообразных предлогов: *близко к дому / близко от дома, в миле к югу от скалы / в миле на юг от скалы / в миле южнее скалы*.

2) Морфологические синонимы могут также различаться формой числа мотивирующих существительных, ср.: *зверек размером с кошку / размерами с кошку; специалист в деле управления / в делах управления; в окрестности озера / в окрестностях озера*.

3) Синонимы рассматриваемого типа образуются также, если один и тот же предлог управляет разными падежами без различия в значении именной группы: *в тон платья / в тон платью, в цвет обоев / в цвет обоям, в ущерб зерна / в ущерб зерну*.

4) Наряду с вариантами управления возможны и варианты морфосинтаксической структуры самих единиц; в частности, морфологические синонимы могут различаться:

— отсутствием / наличием первообразного предлога в постпозиции: *за спиной России / за спиной у России* (вести переговоры); *быть в оппозиции правительству / в оппозиции к правительству*;

— наличием разных первообразных предлогов в постпозиции и разных падежных форм исходного существительного: *в пару эстампу / в пару к эстампу / в пару с эстампом / в паре эстампу / в паре к эстампу / в паре с эстампом*; *забить мяч в противоход вратарю / начать движение в противоходе к собаке / развернуть тело в противоход от задуманного движения / компания движется в противоходе с большей частью мирового экономического сообщества; в непосредственной близости парка / в непосредственной близости к парку / в непосредственной близости от парка / в непосредственной близости с парком*. Отметим, что материал показывает системность таких рядов, и мы уже можем прогнозировать появление вариантов, пока не отмеченных в наших словарях. Думаю, Интернет даст нам варианты *в противоход к кому-чему, в противоход с кем-чем, в противоходе кому-чему, в противоходе от кого-чего*.

Причины такого богатства идентичных по значению форм ждут специальных исследований. В частности, для значений (2) и (3) представленных выше предложных единиц *за спиной кого-чего* — *за спиной у кого-чего*, уже являющихся собой морфологические синонимы, выявился еще один морфологический синоним — синтаксический конверсив *за спиной с кем-чем*: *Это сейчас рассуждать об агрессоре с инвестором за спиной еще можно... память не просохла* (Инт.); *И с мощнейшей в мире мультимедиа компанией за спиной вы знаете, что 3D Blaster Banshee удлетворит самым строгим стандартам качества и надежности* (Инт.). Ср.: *Когда у вас за спиной инвестор, вы можете рассуждать...; Когда у вас за спиной мощнейшая в мире мультимедиа компания, вы знаете...* — налицо способ компрессии сложного предложения в простое. Ср. также: *С отцом-генералом за спиной он не очень-*

то задумывался о последствиях своих действий.

Очевидно, наличие морфологических синонимов — внутренняя закономерность в развитии языка вообще. У нас зафиксировано употребление в современном тексте предлога 18 века *в противность кому-чему*: *Кирилл в противность Феофану считал нужным следовать александрийскому, а не ватиканскому тексту* (В. Живов); обнаружен также и вариант *в противность кого-чего*.

Некоторые из якобы устаревших или просторечных предлогов оказались живыми и изменившими свою стилистическую характеристику. Так, помеченный в СОШ как областной предлог *обок* и вообще не представленный в словарях *обочь* отмечены в авторской речи в литературе: *И цель его жизни не обок этой девочки лежит* (Г. Вирен); *Голубая «ауди» остановилась обочь дороги* (Литвиновы). Живет в реальной речи и отсутствующий в СОШ и отмеченный как устаревший в МАС предлог из французского *в пандан к кому-чему*: *В пандан к этому рисунку приложен другой* (Чехов. МАС), при просмотре Интернета предлог дополнен вариантами: *Справедливости ради, конечно, следовало бы в пандан «Реквиему» Сальери исполнить «Реквием» Моцарта; И вполне «в пандан» с мнениями европейцев прозвучали и русские ответы на русские же вопросы; Патрик Зюскинд «Парфюмер» и к нему советую прочитать в пандане Николай Фробениус «Каталог Латура»*. Я уверена, что вполне реальны также варианты *в пандане к кому-чему* и *в пандане с кем-чем*. Живыми оказались и сложные предлоги типа *за через* (*неделю*), *из между* (*нас*) / *из между* (*нами*) и некот. др. Ср.: [Крыса] *Вылезала два раза вчера из между стенкой и столом* (Инт.).

Завершая рассмотрение проблематики, связанной с построением классификации предложных единиц и принципов их лексикографической фиксации, подчеркнем, что мы смогли рассмотреть в данной статье лишь очень небольшую часть вопросов, вставших перед нами в процессе исследования функционального поля русского предлога.

Литература

1. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6. С. 215–233.
2. Богданов С.И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997.
3. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М: изд-во Моск. ун-та, 1975.
4. Всеволодова М.В. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1983.
5. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Чекалина В.Л. Материалы к словарю реального употребления русских предложных единиц (предлогов и их эквивалентов). Выпуск 1. А — И (в печати)*.
6. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русск. яз. 1982.
7. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2. С. 17–59.
8. Всеволодова М.В., Яценко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Русск. яз., 1988.
9. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
10. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм. М.: изд-во Моск. ун-та, 1986.
11. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М.: изд-во Моск. ун-та, 1972.
12. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
14. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I–II. М.: Наука, 1980.
15. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971.
16. Солоницкий А.В. Проблемы семантики первообразных предлогов. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2003.
17. Шахматов А.А. Русский синтаксис. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
18. Шуба П.П. Приназоўнік в беларускай мове. Мінск: выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1971.
19. Энциклопедия «Русский язык». М.: Большая российская энциклопедия, 1997.

Научные исследования, указанные в редакционных примечаниях

1. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Грамматика русского предлога: теоретические аспекты // Русистика. 2022. Т. 20, № 1. С. 84–100.

* Книга, полностью подготовленная авторским коллективом к печати, к сожалению, так и не вышла в свет. По причине ее слишком большого объема она по предложению издательства начала выходить в свет с 2014 г. в виде отдельных публикаций. В результате были изданы: монография [Всеволодова и др. 2014] и первый том словаря [Всеволодова и др. 2018]. — *Прим. ред.*

2. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Книга 1. М.: УРСС, 2014; издание 2 — 2018.
3. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Книга 2: А–В (объективная грамматика). М.: УРСС, 2018.
4. Загнітко А.П., Данилюк І.Г., Ситар Г.В., Шукіна І.А. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова. Донецьк: ТОФ ВКФ «БАО», 2007.
5. Канюшкевіч М.І. Беларуска прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна: ГрДУ, 2008–2010.
6. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2008.
7. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: изд-во Челябинского ун-та, 2001.
8. Lachur Czesław. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim). 3 t. Wydawnictwo nowik sp. J. Kępa, 2019–2021.

Словари

1. БАС — Словарь современного русского языка в 17-и томах. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
2. МАС — Словарь русского языка в четырех томах. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1961.
3. СОШ — С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

Project “Slavic prepositions in synchrony and diachrony: morphology and syntax” (the Russian language)

Maya V. Vsevolodova,
Lomonosov Moscow State University

The article introduces the concept of prepositional units, which combines all means of language that can function as prepositions; the main blocks of attribution of a preposition as a set of its characteristics on all sides of its functioning in speech constructions are considered. In the first block, the choice of the object of representation is discussed; the second block is devoted to the structural typology of prepositions; in the third, the possible positions of the preposition in the syntax are considered; the last block is related to the semantics of prepositions and their synonyms.

Key words: preposition, preposition equivalent, paradigm, meaning.

К проблемам изучения предлогов

Г.А. Золотова,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В работе ставятся фундаментальные вопросы определения предлога как части речи; указывается вклад В.В. Виноградова в изучение изменений в предложной системе русского языка; намечаются перспективы подобных исследований. Автор обсуждает положения программной статьи М.В. Всеволодовой, Е.В. Клобукова, О.В. Кукушкиной, А.А. Поликарпова «К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога», отмечает ее неоднозначные фрагменты; выражает сомнение в определенности целого ряда конструкций.

Ключевые слова: предлог, синтаксема, служебные и знаменательные части речи, лексикализация.

Обсуждаемый научный проект, посвященный изучению развития славянских предлогов, несомненно, актуален и необходим. Формирование новых предлогов — один из самых активных процессов в современном языке, и почти не изученный.

В своей классической, неисчерпаемой книге «Русский язык» В.В. Виноградов главу о предлогах закончил параграфом «Изменения в употреблении предлогов». Среди новых форм речетворчества, характеризующих современную эпоху, он отмечал количественный рост предложно-синтаксических конструкций, особенно в профессионально-технических, научно-деловых, газетно-публицистических стилях, перераспределение их функций, качественное их усложнение. «Характеристика этих процессов <...> должна быть предметом особого самостоятельного исследования» [Виноградов 1947: 703].

Многоплановость, трудность этой задачи очевидна и сама по себе, и судя по докладам на данной конференции, и по программной статье инициаторов проекта в «Вестнике Московского университета» [Всеволодова и др. 2003]. Прделана кропотливая подготовительная работа, вызывающая большое уважение. Жаль, правда, что не упомянута постановка задачи В.В. Виноградовым и намеченные им пути анализа новых русских предлогов.

На мой взгляд, чтобы не утонуть в обширном материале и во множестве классификационных признаков, которые авторы статьи стараются представить с возможной полнотой, на этом этапе было бы полезно уточнить теоретические позиции и перспективы изучения и описания системы русских предлогов.

Казался бы естественным прежде всего вопрос: **для чего** нужны предлоги, старые и новые, языку, говорящему, каковы смыслы, выражаемые предлогами? Как писал В.В. Виноградов, «грамматические отношения, обозначаемые предметами, их семантическая сущность разъяснены недостаточно» [Виноградов 1947: 685].

Если предлоги — это конструктивные элементы, помогающие выразить смысловые связи между компонентами высказывания, то, по-видимому, прежде всего и надо бы заняться выяснением, выявлением их семантической сущности. Между тем в названии конференции «Славянские предлоги в синхронии и диахронии. Морфология и синтаксис» семантический аспект как будто и не предполагается, а за теоретическую опору принимается формально-позиционное положение, что при разграничении частей речи «важны только грамматические, а не лексические показатели» (по М.В. Панову). М.В. Панов — почитаемый ученый, но с таких позиций

можно объединить существительные и прилагательные в одну часть речи по признаку склоняемости. Это отголоски преодоленного современной лингвистикой формально-механического метода полувековой давности¹.

В том же абзаце статьи делается попытка соединить «функционально-коммуникативную модель языка» с «формально-позиционной», получается гибридное, заведомо противоречивое определение предлога: «... это класс служебных лексических единиц, служащих (<...> в русском языке вместе с субстантивным падежным окончанием) средством выражения семантико-синтаксической роли существительного или его субститута в высказывании <...>» [Всеволодова и др. 2003: 22–23]².

Таким образом, авторы исключают содержательную часть существительного, свидетельствующую о его категориально-семантическом значении, и по модели «предлог + падежное окончание» определяют семантико-синтаксическую роль существительного в высказывании. Тогда выходит, что *из (ревност)и, из (кост)и, из (повест)и, из (област)и; до (вечер)а, до (берег)а, до (обморок)а, до (колен)а*

окажутся семантически однородными в каждом ряду?³

Вряд ли имеет объяснительную силу чисто формальная трактовка синтаксических связей (там же): синтаксические построения создаются для выражения смысла и поэтому прежде всего значениями слов, оформленных соответствующими средствами. Очень ответственные для темы понятия **функция, функциональный** используются в этой статье не терминологично и, я бы сказала, нефункционально [Всеволодова и др. 2003: 19 и др.]. Функционирование (при этом реальное) связывается с «коммуникативным уровнем языка». Что это за уровень? А где еще язык функционирует, кроме как в коммуникации? А «реальному функционированию» противостоит нереальное?⁴

Если авторы считают необходимым выделить или разграничить четыре вопроса, требующих решения [Всеволодова и др. 2003: 21], хотелось бы воспринять их в более определенном словесном выражении, а так разницу между ними уловить трудно; ср.:

- 1) семантические и формально-синтаксические (?) функции предлогов;
- 2) основание морфосинтаксической типологии предлогов;
- 3) языковой статус предлога как строевого элемента синтаксической системы;
- 4) грамматика предлога.

За каждым из этих пунктов стоит непреложная взаимообусловленность семантики, синтаксиса и морфологии⁵.

¹ В книге Панова о позиционной морфологии, на которую ссылается М.В. Всеволодова, склоняемые слова распределены по разным частям речи (см.: [Панов 1999: 132–147, 163–164]). Книга считается примером использования многих морфологических идей акад. В.В. Виноградова в контексте лингвистики рубежа XX–XXI вв. Нельзя, однако, не согласиться с мыслью Г.А. Золотовой об особой важности изучения семантики предлогов. Кстати, об этом же часто писала и М.В. Всеволодова — как в статье, публикуемой в данном номере нашего журнала [Всеволодова 2022], см., в частности, заключительный раздел этой работы, так и в других своих исследованиях, специально посвященных грамматической семантике падежных форм и предложно-падежных конструкций [Всеволодова 1975; Всеволодова, Владимирский 1982; Всеволодова, Яценко 1988; Всеволодова 2000: 99–120, 133–194 и др.]. — *Прим. ред.*

² В целом приведенное определение вполне соответствует виноградовскому (и общепринятому в настоящее время) пониманию семантико-грамматической сущности русского предлога, см.: [Виноградов 1972: 531–533; Лингв. энциклопедия 1990: 394–395; Энциклопедия «Русский язык» 2020: 537–539]. — *Прим. ред.*

³ В опубликованном первом выпуске словаря русских предлогов [Всеволодова и др. 2018] разные по семантике предлоги-омонимы представлены различными словарными статьями. — *Прим. ред.*

⁴ В существующих моделях языка, как известно, выделяется разное количество языковых уровней. О коммуникативном уровне подробно говорится, например, в [Беязева 2002]. О «реальном» функционировании языка М.В. Всеволодова пишет, полемизируя с теми лингвистами, которые считают язык художественной литературы если не единственным, то, безусловно, предпочтительным источником языкового материала для лингвистического исследования. — *Прим. ред.*

⁵ Различные аспекты взаимодействия морфологии и синтаксиса в грамматике предлога,

Естественно, что изучаемые единицы представлены не самодостаточными предложениями, а именно **синтаксемами**, в состав которых они входят. Никак не могут согласиться с толкованием синтаксемы как «морфологической формы слова» [Всеволодова и др. 2003: 23]. Для морфологической формы слова существует термин «морфологическая», лишнего не надо, либо более конкретное, частное обозначение, скажем, «форма дательного падежа имени с предлогом *к*» и под. Термин **синтаксема** введен и получил хождение в лингвистике именно потому, что им обозначена минимальная синтаксическая единица, не выявленная грамматической теорией ранее — во-первых; трехмерная — как результат взаимодействия значения, функции и формы (иначе: семантики, синтаксиса и морфологии) — во-вторых; систематизирующая в четырех функциональных типах представления о структуре предложения и о видах связи между его компонентами — в-третьих [Золотова 1988, 1998]. Пользоваться этим термином стоит лишь для того, чтобы реализовать его объяснительный и организующий потенциал. Для изучения предложных новообразований особенно важно учитывать соотношение трех взаимообусловленных составляющих синтаксемы⁶.

как и взаимообусловленность лексической и грамматической семантики на уровне функционирования предложно-падежной конструкции были, судя по статье [Всеволодова 2022], более подробно, чем в статье из «Вестника Моск. унта», рассмотрены в докладе М.В. Всеволодовой на Конференции 2003 года. — *Прим. ред.*

⁶ Нужно заметить, что М.В. Всеволодова активно использовала положения теории синтаксиса в своих исследованиях, признавая вслед за Г.А. Золотовой что синтаксема — это триединство формы, значения и функции (см.: [Всеволодова 2000: 160 и др.]). Анализ этого соотношения реализуется и в словаре [Всеволодова и др. 2018]. Может ли план выражения синтаксемы быть представлен морфологической формой (синтетической или аналитической)? Безусловно, так обычно и бывает. А может ли предложно-падежная форма рассматриваться как особая (аналитическая) форма имени? Такой подход к предложно-падежной конструкции языках смешанного (синтетико-аналитического) типа вполне возможен (см.: [Щерба 1962: 100; Курилович 1962; Виноградов

Правомерно ли утверждение, что «предлог определяет падежную форму существительного»? [ст.: 23]. Почему тогда *на доме, в доме, о доме, при доме* — форма имени одна, а предлоги разные, так же как *за домом, перед домом, под домом, над домом*; и, напротив, *за домом — за дом, под домом — под дом*, где предлог один, а падежные формы разные? Ср.: *Приданого за ней полмиллиона. Вот выдали Матрену за барона* (Крылов). А что же при таком понимании определяет беспредложную падежную форму? На чем основана, например, убежденность в том, что в компаративной конструкции типа *кричать громче всех* «управляет не лексическое значение, а грамматическая форма слова»? [ст.: 32]. Ведь прежде всего компаративный *смысл* требует включить в конструкцию имя объекта сравнения⁷. Вероятнее все-таки, что категориальный смысл и соответствующая ему роль в предложении предопределяет оформление, включающее падеж и предлог. Функционально-семантические свойства синтаксемы определяют и роль ее в предложении, и характер связи с другими компонентами.

Стоит ли утверждать, что «любая словоформа входит в предложение только через смысловую связь с другой словоформой»? [ст.: 52]. В самом общем смысле все компоненты предложения, конечно, связаны между собой, и в школьном разборе нас учили выстраивать схему. Но для анализа важно выявить разные типы связи. Возьмем пример из басни Крылова:

Он в море корабли отправил по весне...

а) *Он отправил* — предикативная основа предложения, имя субъекта и глагол действия соединяются категориями времени, лица и модальности, реализуя **предикативную связь** (в рамках парадигмы

1972: 531; Лингв. энци. словарь 1990: 394]), хотя он и не является общепринятым. — *Прим. ред.*

⁷ Важно, что лексическое значение прилагательного *громкий* не предполагает валентности на управление *Нр*, она есть только у грамматической формы компаратива. Для этого смысла в русском языке существуют две грамматические формы выражения: компаратив + *Нр* и компаратив + *чем* + *Ни*. — *Прим. ред.*

по этим же категориям); синтаксемы **обусловленного** типа (так же, как имя субъекта и его предикативного признака в моделях *Ей холодно, У него грипп, Девочку укачало* и др.);

б) *отправил корабли* — глагольное словосочетание с обязательным распространителем в форме, заданной переходностью глагола; именная синтаксема **связанного** типа, вне этой присловной связи не функционирующая;

в) *отправил корабли в море* — именная синтаксема со значением направления, ориентира (директив), значение ее задано глагольной семой движения, но форма не обязательна, выбирается из ряда форм с директивным или целевым значением (*отправил на Корсику, через Гибралтар, за товаром* и т. д.); **связь присловная**, но не обязательная, синтаксема **свободная**, способная занимать разные синтаксические позиции;

г) *по весне* — темпоральная **свободная** синтаксема, вступает в «полупредикативную», **таксисную связь** с предикатом предложения, выражая значения монотемпоральности (одновременности событий), мономодальности и полисубъектности (что подтверждается при замене таксисного компонента синонимичным предложением *Когда пришла весна*) [Золотова и др. 1998: 217–228].

Процессы развития по-разному происходят в области старых, первичных предлогов (меньше и предлогов, и изменений) и в области предлогов вторичных, производных. Новые, производные предлоги образуются путем делексикализации, ослабления или утраты лексического значения полнозначительными словами: именами, наречиями, деепричастиями. Критерии, стадии превращения полнозначительных слов в служебные остаются пока не выявленными, много переходных случаев. Несомненно, необходимы наблюдения и над динамикой лексических значений, и над типами их синтаксических функций и связей.

Рассматривая с таких позиций примеры, приводимые в статье, можно сказать,

что ряд из них подозревается в рассматриваемой нами статье без достаточных оснований в определении своих компонентов.

Может быть, я чего-то недопоняла в аргументации авторов и в усложненной структуре статьи. Но все-таки думаю, что если конструкция выполняет свою роль полноценно значимого компонента предложения (пусть даже с какими-то ограничениями в сочетаемости, с элементами фразеологичности), она не должна быть признана служебной.

Вот пример из [Всеволодова и др. 2003: 35, 41]: *Планета Нибиру оказалась в тесном противостоянии с Землей*, демонстрирующий «свободно образующиеся словоформы, ведущие себя как предлог» (оставим на совести специалистов по планетам трудно осмысливаемое сочетание слов *тесное противостояние*⁸). Но почему именно предикат, с вспомогательным глаголом, сообщающий о местонахождении субъекта (планеты), «ведет себя как предлог», то есть служебное слово? Там же пример об Отаре, который «*в предвкушении похвал*» угощает гостей шашлыком. Выделенный полупредикативный (таксисный) оборот синонимичен деепричастному или причастному обороту (*предвкушая, предвкушающий похвалы*) с полноценным лексическим значением, никак не сводим к служебному.

Да и вся «подзона с целевым значением» с примерами *в дополнение к докладу, в подтверждение его слов, в уважение к заслугам, в компенсацию потерь* и под. представляет не служебные сочетания,

⁸ Противостояние планеты — «такое положение небесного тела Солнечной системы, в котором разница эклиптических долгот его и Солнца равна 180°»; великое (в сленге астрофизиков «тесное») противостояние — «такое, при котором расстояние до планеты минимально по сравнению с другими противостояниями (различие возникает из-за эллиптичности орбит)» https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%82%D1%8B. — *Прим. ред.*

но полнозначительные. Те же полипредикативные осложнители предложения (или, по терминологии М.В. Всеволодовой, — «предикаты второй пропозиции»), связанные таксисными отношениями времени, лица, модальности с основным предикатом и легко оформляющие эти отношения в синонимичных придаточных предложениях (...*чтобы дополнить доклад, компенсировать потери* и под.). Это очень продуктивные конструкции, уплотняющие, концентрирующие структуру современных текстов научного, делового, публицистического типа.

Девербативные формы, сочетающиеся с инфинитивом: *в надежде найти, в попытках понять, в стремлении разобраться* образованы от глаголов модального значения, которые входят в состав модифицированного предиката *пытался понять* и под. Лексическое значение их в известной мере ослаблено, но они вместе с инфинитивом составляют полноценный компонент предложения, а не служебный.

Знаменательными, а не служебными представляются мне и так называемые параметрические слова. Кроме того, что многие из них являются необходимыми терминами научно-технических текстов, их лексический смысл не перекрывается следующей за ними количественной информацией. См., например: *ВЭУ с трехлопастным ротором диаметром 90 метров и высотой мачты 70 метров...* (пример из [Всеволодова и др. 2003: 38]⁹).

⁹ Нужно признать, что не все рассматриваемые научным коллективом М.В. Всеволодовой

Разнообразие уже собранного и представленного в статье языкового материала позволяет пожелать исследователям несколько строже и стилистически дифференцировано относиться к речевым фактам, чтобы не принимать за системные изменения в языке либо разговорные обороты узко профессиональной среды, либо небрежности и корявости речи, независимо от среды.

Если не обсудить отмеченные здесь и в других докладах небесспорные отправные позиции, много сил в этой важной работе может быть затрачено неэффективно.

Организаторская энергия и энтузиазм Майи Владимировны Всеволодовой вдохновили большой интернациональный коллектив на это научное подвижничество. От души желаю ей и ее коллегам преодолеть теоретические и практические трудности и успешно решить нерешенные вопросы.

служебные единицы можно смело относить к собственно **предлогам**. Однако в ходе работы над словарем [Всеволодова и др. 2018] была разработана развернутая типология **предложных единиц**, включающая собственно предлоги и эквиваленты предлогов — единицы, в некоторых контекстах функционирующие как предлоги. Это словоформы ряда семантических классов слов, которые в определенных условиях выполняют функции предлога, не выходя из границ своей части речи» [Всеволодова 2011: 103]. И собственно предлоги, и эквиваленты предлогов входят в функционально-грамматическое поле предложных единиц [Всеволодова и др. 2014], образуя, соответственно, ядерную и периферийную зоны. Многие единицы, обсуждаемые в публикуемой статье Г.А. Золотовой, находятся, безусловно, на периферии данного поля. — *Прим. ред.*

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1947 (2-е изд. — М.: Высшая школа, 1972).
2. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2. С. 17–59.
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988 (2-е изд. — 2001).
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: изд-во Моск. ун-та, 1998 (2-е изд. — 2004).
5. Селиверстова О.Н. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов. Сб. ст. / Под ред. Д. Пайара и О.Н. Селиверстовой. М.: Русские словари, 2000.

Научные исследования, указанные в редакционных примечаниях

1. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.
3. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
4. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. (2-е изд. — 2017).
5. Всеволодова М.В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–135.
6. Всеволодова М.В. Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (русский язык) // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2022. № 2. С. 4–17.
7. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Книга 2: А–В (объективная грамматика). М., УРСС, 2018.
8. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русск. яз., 1982.
9. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Книга 1. М.: УРСС, 2014 (2-е изд. — 2018).
10. Всеволодова М.В., Ященко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Русск. яз., 1988.
11. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М.: изд-во иностр. литературы, 1962.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
13. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999.
14. Шерба Л.В. О дальше неделимых единицах языка // Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 99–101.
15. Энциклопедия «Русский язык». 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Молдован. М.: АСТ-Пресс, 2020.

On the problems of studying prepositions

Galina A. Zolotova,
Lomonosov Moscow State University

The fundamental questions of the definition of preposition as a part of speech are raised in the article; the contribution of V.V. Vinogradov to the study of changes in the prepositional system of the Russian language is indicated; prospects for further studies are outlined. The author discusses the provisions of the program article by M.V. Vsevolodova, E.V. Klobukova, O.V. Kukushkina, A.A. Polikarpov “On the foundations of the functional and communicative grammar of the Russian preposition”, notes its ambiguous fragments; expresses doubt about a number of prepositional constructions.

Key words: preposition, syntaxeme, official and significant parts of speech, lexicalization.

Односложные и двусложные формы Тв.ед. в языке прозы начала XIX века: Пушкин и Марлинский

С.Г. Мамечков,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: mamechkov@list.ru

В статье рассматривается распределение односложных и двусложных окончаний Тв.п. ед.ч. в повестях и рассказах Александра Бестужева-Марлинского в сравнении с прозаическими сочинениями А.С. Пушкина. Показано, что язык Марлинского более архаичен, у Марлинского отсутствует характерное для художественной прозы Пушкина использование односложных окончаний в неоднословных конструкциях для большей «легкости» слога.

Ключевые слова: язык прозы Марлинского, пушкинская художественная проза, двусложные и односложные окончания творительного падежа единственного числа.

Данная статья продолжает цикл статей, посвященных функционированию форм Тв.п. ед.ч. в языке XIX века, а именно распределению вариативных окончаний Тв.п. *-ю(ею) // -ой (-ей)*. Как известно, односложное окончание, возникшее в истории русского языка в результате отпадения конечного безударного гласного (см.: [Зализняк 2002]), в современном русском языке стало основным и нейтральным, а исконное двусложное окончание — факультативным вариантом, используемым редко и преимущественно в книжной речи и в поэзии [Зализняк 1977: 26–27; АГ 1980: 489; Кукушкина 2016: 205–207]. Однако в начале XIX в. ситуация была другой: односложные формы проникали в литературные тексты, но грамматистами они оценивались как просторечные (см. [Греч 1827: 94; Булаховский 1954: 108]). В этом отношении особый интерес представляет употребление односложных и двусложных окончаний в языке Пушкина в сравнении с другими авторами того же времени, его современниками. Показательными будут, несо-

мненно, прозаические тексты, поскольку в поэзии распределение этих вариантных окончаний может быть продиктовано стихотворным размером. В предыдущих статьях мы рассматривали прозаические сочинения А.С. Пушкина. В первой статье были исследованы «Повести Белкина» [Мамечков, Шевелева 2016]. Во второй — более обширный материал: повесть «Дубровский», роман «Капитанская дочка», историческая повесть «История Пугачева», письма Пушкина к жене и некоторая его публицистика [Мамечков, Шевелева 2020]. Как показало наше исследование, распределение окончаний различается в зависимости от жанра сочинений Пушкина: в исторической и публицистической прозе преобладают двусложные окончания, а в письмах к жене и в художественной прозе картина иная. Нами был выявлен и ряд других интересных закономерностей. Так, отметим, что распределение вариантных форм существительных III склонения на *-ию* (с книжным двусложным окончанием) / *-ью* оказалось во многом сходным с распре-

делением окончаний *-ою/-ой* [Мамечков, Шевелева 2016; 2020].

В настоящей работе мы решили рассмотреть сочинения другого писателя пушкинского круга — Александра Бестужева-Марлинского, чтобы проверить, являются ли выявленные закономерности особенностью языка прозы Пушкина или же это более широкое явление, характеризующая язык всей пушкинской эпохи. Были исследованы следующие повести и рассказы Марлинского: «Ночь на корабле», «Ревельский турнир», «Часы и зеркало», «Красное покрывало», «Будочник-оратор», «Мечь». Ввиду небольшого объема этих повестей и рассказов мы не изучали распределение окончаний в каждом отдельном сочинении, как мы это делали для большинства сочинений А.С. Пушкина, а попытались выявить общую картину по всем этим текстам.

Рассматривалось распределение односложных и двусложных окончаний в следующих позициях.

1) Тв. п. форм одиночных существительных:

а) I склонения (например, *головую, ногой*¹);

б) III склонения (например, *наружностью, кровью*).

2) Тв. п. в сочетаниях прилагательное (или притяжат. мест.) + существительное I склонения (например, *горькою улыбкою; с величавой осанкою; волной морскою* и др.).

3) Тв. п. в сочетаниях прилагательное (или притяжат. мест.) + существительное III склонения (например, *домашнею жизнью; за зеленою печатью*).

4) Тв. п. в многословных конструкциях (например, *лучшею частью моею; с этою милою остроумною Мери* и т. п.).

5) Тв. п. местоимений (например, *мною, со мной, за нею*).

1. Обратимся к формам Тв.п. ед.ч. одиночных существительных I склонения.

Сочинения Марлинского демонстрируют значительное преобладание двусложных форм над односложными: 51 пример двусложных форм и всего 10 односложных, ср. *Леди кивнула мне головою и бросила злобный взгляд...* («Ночь на корабле»); *Коротко сказать, Минна была из числа тех красавиц, которые поражают красотой...* («Ревельский турнир»); *Надина не была уже невестою...* («Мечь») — *Не красавец, но, право, если б я был женщиной, то трудно б было в него не влюбиться* («Ночь на корабле»). Такое распределение окончаний больше всего напоминает распределение в «Истории Пугачева» у Пушкина, чуть менее «Дубровского» (см. таблицы 1 и 2, которые приводятся в конце статьи).

Исследованный материал показывает, что, как и в прозаических сочинениях Пушкина, дистрибутивное распределение двусложных и односложных окончаний одиночных существительных I скл. не наблюдается: одна и та же лексема может иметь и то, и другое окончание, ср.: *«для того ли гордое чувство возвысило тебя над толпою <...> над толпой, не ведающей иных наслаждений, кроме чувственности* («Красное покрывало»).

Все встретившиеся имена собственные имеют двусложные окончания: *перед Минною, с Россиею, с Надиною, над Надиною*. Например: *Перед Минною стоял белокурый, статный юноша, сын одного из богатейших купцов в Ревеле* («Ревельский турнир»).

Интересно также отметить застывшую форму Тв.п. существительного, превратившуюся в наречие (*порой*), встретившуюся в текстах дважды, оба раза в односложном варианте.

Что касается Тв.п. существительных III склонения, то здесь наблюдается примерно одинаковое количество форм на *-ию* и *-ью*: 14 и 12 соответственно: *...всё дышало радостью, всё праздновало возвращение весны, воскресение природы* («Ревельский турнир»), *...даже и в том, что они называют любовью* («Красное покрывало»).

¹ Все примеры взяты из названных сочинений А. Бестужева-Марлинского.

При этом встречаются контексты, в которых формы на *-ию* и *-ью* соседствуют в одном предложении: *Разъезжая два года по Европе, он навывк приличиям светским, и образованностию, ловкостью далеко превосходил рыцарей Ливонии...* («Ревельский турнир»); *Бронзовые и хрустальные безделки манили взор прелестью работы или возбуждали любопытство новостию изобретения* («Часы и зеркало»).

Дистрибутивного распределения двусложных и односложных окончаний одиночных существительных III скл. также не наблюдается, ср. *Сабельный удар рассёк ей плечо до сердца, и только лицо ее не было облито кровью* («Красное покрывало») — *Прежде с кровью не исторгли бы из меня тайны любви моей* (Там же); *Ну что мне закон, когда я палашом могу отразить обвинение или смыть кровью свой же проступок!* («Ревельский турнир»).

Распределение окончаний *-ию* и *-ью* в повестях и рассказах Марлинского больше всего похоже на распределение в «Дубровском» у Пушкина (см. таблицы 1 и 2).

2. Теперь обратимся к самой интересной для нас позиции: прил. (мест.) + сущ. I скл. В этой позиции мы наблюдаем разительное отличие текстов Марлинского от пушкинской художественной прозы, в которой в атрибутивных сочетаниях преобладает сочетание двусложного и односложного окончаний, свидетельствующее о большей «легкости» пушкинского стиля (см. об этом [Мамечков, Шевелева 2020]). В сочинениях Марлинского решительно преобладают оба двусложных окончания. Соотношение: 23 — где оба двусложных окончания к 6 — случаи, где хотя бы одно (или оба) из окончаний односложное. Например: *...и она незаметною ласкою награждала своего верного рыцаря* («Ночь на корабле»); *...который приехал на север попытать счастья в России и остался в Ревеле <...>, отчасти задержанный городскою думою* («Ревельский турнир») — *...быть вам волной морскою, которая вечно играет с ветром и светом* («Месь»). Такое соот-

ношение можно увидеть у Пушкина лишь в «Истории Пугачева» — нехудожественном историческом сочинении.

Отметим, что в числе примеров нам встретились сочетания не только прил. + сущ., но и местоим. + сущ.: *своей головой, твоею волею, моей душой*. Что касается сочетаний прил. + сущ., то заметим, что был отмечен также один пример с двумя прилагательными: *особою, столь несчастливою, но столь достойною счастья* («Часы и зеркало»), включенный в общий подсчет, и пример с однородными прилагательными в предикативной функции (без сущ.), в подсчеты не включенный: — *Поэтому вы считаете меня тщеславною, самолюбивою?* («Ревельский турнир»).

3. Перейдем к сочетаниям прил. + сущ. III скл. Здесь наблюдается одинаковое соотношение примеров, где оба двусложных окончания и где хотя бы одно из окончаний односложное (8 к 8). Такое соотношение ближе всего к пушкинской публицистике, т. е. в этом тоже есть отличие от художественных произведений Пушкина.

Приведем несколько примеров: *Она уже скучала домашнею жизнью* («Ночь на корабле») — *Честолюбивая деятельность без решимости на труд поглощена была светскою ничтожностью* («Месь»).

4. Многословные конструкции также демонстрируют большее преобладание контекстов со всеми двусложными формами по сравнению с художественными сочинениями Пушкина (см. таблицу). В повестях и рассказах Марлинского соотношение 6 — где все формы двусложные к 3 — где хотя бы одна форма односложная, ср.: *лоскутною своею философию* («Будочник-оратор»), *за такую свежесю красотою* («Месь»), *своею любезною половиною* («Месь») — *с дрожайшей своей половиной* («Ревельский турнир»), *обычной стезей своей* («Красное покрывало»).

5. Формы Тв.п. личных местоимений у Марлинского также характеризуются большей степенью консерватизма по сравнению с художественной прозой

Пушкина: в сочинениях Марлинского встретилось всего 5 односложных форм и целых 25 двусложных. Такое соотношение снова напоминает «Историю Пугачева» — сочинение нехудожественное (см. таблицу 2). Приведем примеры из Марлинского: *Мери ознакомилась со мною* («Ночь на корабле»); *Быть так близко подле нее и быть с нею* (Там же); *поневоле приходится начинать и заключать ею* («Часы и зеркало»); *Со мною не церемонились* (Там же) — *не умею выразить, что со мной* *сталось, когда я подал ей руку* («Ночь на корабле»).

Отметим, что помимо личных в текстах встретились два неличных местоимения в интересной для нас форме Тв.п. ед.ч.: это указательное местоимение *такою* в функции прилагательного в контексте *И для всех, или только для вас она кажется такою?* и это относительное местоимение *которую* в функции существительного в контексте *...сердечно благодарю судий за честь, которую не могу воспользоваться* («Ревельский турнир»). Примечательно, что оба местоимения стоят в двусложной форме.

Таблица 1

Распределение двусложных и односложных окончаний Тв.ед. в повестях и рассказах А.А. Бестужева-Марлинского

Окончания		Проза А. Бестужева-Марлинского	
Одиночные существительные	I скл. -ою :-ой	51:10	
	III скл. -ию :-ью	14:12	
Словосочет. «прил.+сущ. I скл.»	Оба двусложн. -ою +-ою		23
	Хотя бы одно односл.	-ой +-ою	2
		-ою +-ой	2
		-ой +-ой	2
		Всего: 6	
Словосочет. «прил.+сущ. III скл.»	Оба двусложн. -ою +-ию		8
	Хотя бы одно односл. (-ою +-ью)		8
Многословные конструкции	Все двусложные		6
	Хотя бы одно односложное		3 (из них 2 прим. — все односложные формы)

Окончания		Проза А. Бестужева-Марлинского
Личн. (и возвр.) местоимения	-ою :-ой	25:5

Таблица 2

Распределение двусложных и односложных окончаний Тв.ед. в прозаических текстах Пушкина

Окончания		Дубровский	Кап. дочка	Истор. Пугачева	Публицист.	Письма к жене	
Одиночные существительные	I скл. -ою :-ой	18:3	56:19	45:10	25:8	10:21	
	III скл. -ию:-ью	11:7	24:11	19:25	19:8	3:6	
Словосочет. «прил.+сущ. I скл.»	Оба двусложн. -ою+-ою	2	9	20	11	1	
	Хотя бы одно одно-слож.	-ой+-ою	6	12	3	1	1
		-ою+-ой	2	1	1	1	1
		-ой+-ой	2	5	3	7	2
	Всего: 10	Всего: 18	Всего: 7	Всего: 9	Всего: 4		
Словосочет. «прил.+сущ. III скл.»	Оба двусложн. -ою+-ию	2	8	12	6	1	
	Хотя бы одно односл.	6	14	3	8	3	
Многословные конструкции	Все двусложные	1	3	2	1	0	
	Хотя бы одно односложное	3	4	2	11	10 (из них 9 — все односложные)	

	Окончания	Дубровский	Кап. дочка	Истор. Пугачева	Публицист.	Письма к жене
Личн. (и возвр.) местоимения	-ою:-ой	20:0	64:5	19:3	35:2	35:9

Таким образом, мы видим по употреблению форм Тв.ед., что язык прозы Марлинского обнаруживает большую консервативность, чем язык художественной прозы Пушкина. Язык Марлинского достаточно тяжеловесен и архаичен, здесь и близко нет той легкости стиля, которая наблюдается у Пушкина, и один из секретов этой легкости пушкинской художественной прозы — введение односложных вариантов форм Тв.ед. в атрибутивные словосочетания

и многословные конструкции во избежание громоздкости и достижения количественного баланса синтагмы (см. [Мамечков, Шевелева 2020: 23–24]). Сравнение с прозой Бестужева-Марлинского, как и сопоставление с данными нехудожественной прозы самого Пушкина, подтверждает наше предположение, что эта особенность распределения вариантных форм Тв.ед. является индивидуальной чертой языка пушкинской художественной прозы.

Литература

1. АГ 1980 — Русская грамматика. АН СССР. М., 1980. Т. 1. 784 с.
2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Изд. 2-е, испр. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
3. Греч Н. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. 578 с.
4. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: изд-во «Русский язык», 1977. 880 с.
5. Зализняк А.А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С.550–558.
6. Кукушкина О.В. Морфонология современного русского литературного языка. М.: Издательство Московского университета, 2016. 337 с. — электронное издание.
7. Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об одном морфонологическом архаизме в языке прозы А.С. Пушкина (на материале «Повестей Белкина») // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 12. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 86–97.
8. Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об односложных и двусложных окончаниях Творительного падежа единственного числа в языке прозы А.С. Пушкина // Stephanos. Изд-во: Филологический факультет МГУ им. Ломоносова (Москва), № 3 (41), 2020. С. 9–26.

Monosyllabic and two-syllable endings of Instrumental singular case in the language of the early 19th century prose: Pushkin and Marlinsky

Stepan G. Mamechkov,

Lomonosov Moscow State University

E-mail: mamechkov@list.ru

The article deals with the problem of monosyllabic and two-syllable endings distribution of Instrumental singular case in Marlinsky's tales in comparison with Pushkin's prose works. It is shown that the language of Marlinsky's stories is more archaic and there is no such «lightness» as in Pushkin's fiction. In contrast to Marlinsky, in Pushkin's fiction there is a tendency to introduce at least one monosyllabic ending in constructions with several forms of Instrumental case for «lightness» of his style.

Key words: the language of Marlinsky's stories, Pushkin's fiction, two-syllable and monosyllabic endings of Instrumental singular case.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-2-30-37

Орфографическая деятельность

М.В. Панова*

Т.М. Григорьева,

Сибирский федеральный университет

E-mail: annysten@yandex.ru

В статье освещены материалы, свидетельствующие об орфографической деятельности М.В. Панова, о его непосредственном участии в разработке проекта реформы орфографии 1964 г. Кроме того, рассмотрены орфографические публикации ученого, формирующие лингвистическую компетентность рядовых носителей русского языка и способствующие утверждению прав фонологического принципа русского письма.

Ключевые слова: усовершенствование русской орфографии, проект 1964 г., фонологический принцип письма.

*«... чтобы и писать легко, и читать легко,
и учиться письму нетрудно».*

М.В. Панов

В многообразной научной палитре М.В. Панова, одного из выдающихся ученых XX века, орфографическая деятельность занимала далеко не последнее место, и активное начало ее относится к 60-м годам XX столетия. Тому периоду в истории русской орфографии, который сравним с периодом столетней давности: временем первого организованного выступления за реформу русской орфографии петербургских педагогов, то есть временем работы Орфографической комиссии 1862 года под руководством В.Я. Стоюнина. Это был знаковый период в истории русского письма, когда, по свидетельству журнала «Библиотека для чтения» (1862. — Т. 170 (апр.). С. 80), «игра в так называемое правописание так обаяла умы русского человека, что надо удивляться, как доселе... не догадаются издать какое-нибудь лото»: «куда ни явись, того и жди, что навстречу пустят вам какой-нибудь озадачивающий

вопрос о том, как перенести то или другое слово... или как и почему надо писать то или другое слово»; когда «этот скромный предмет ... удостоился обратить на себя почти общее внимание» [Грот 1862].

В нашем случае, то есть в 60-е годы XX столетия, свидетельством без преувеличения всенародного интереса к русской орфографии может служить более 300 научных и научно-популярных материалов, опубликованных в течение 1962–64 годов в нескольких научных сборниках и периодической печати. Все они стали откликом на деятельность Орфографической комиссии под председательством акад. В.В. Виноградова, созданной в 1962 году при Отделении литературы и языка АН СССР и призванной подготовить проект реформы орфографии, выражаясь словами В.В. Виноградова, «навести порядок в уже одряхлевшей части правописания» [Виноградов 1962]. Было

* Данный материал представляет собой существенно расширенный и исправленный вариант статьи, опубликованной в: Лингвистика и школа-IV. К 90-летию со дня рождения Михаила Викторовича Панова (1920–2001): материалы Всероссийской научно-практической конференции; под ред. Л.Б. Парубченко. Барнаул, 2011. С. 84–90.

очевидно, что основанием для наведения этого порядка должен стать принцип необозначения позиционных изменений звука, принцип фонематический, «более широкий и отвлеченный», в основе которого лежит представление о фонеме как о звуке в независимой позиции. При этом отмечалась ограниченность «возможного применения морфологического принципа» [Виноградов 1964: 16–17].

Как заместитель председателя орфографической комиссии М.В. Панов брал на себя значительную часть работы по её руководству, и его орфографические труды верно и преданно служили фонемному принципу русского письма.

Итогом двухлетней напряженной работы комиссии стали «Предложения по усовершенствованию русской орфографии», изданные отдельной книгой (М., 1964. 64 с.) и опубликованные с незначительными редакционными уточнениями в нескольких периодических изданиях: «Известия» (1964. № 228, 229), «Учительская газета» (1964. 24 сент.), журналы «Русский язык в национальной школе» (1964. № 6. С. 4–52) и «Начальная школа» (1964. № 11. С. 86–90) и др.

В предисловии к проекту «Предложений» сообщалось, что нет необходимости в коренном пересмотре существующей системы правил русского письма, но известные ее недостатки, осложняющие изучение русского языка, отрицательно влияют на процесс обучения правильному письму и общий уровень грамотности.

Проект 1964 г. включал в себя 14 пунктов упрощения и среди них те, которые были разработаны еще *Подготовительной комиссией под рук. акад. Ф.Ф. Фортунатова* и изложены в итоговом документе «*Постановления Орфографической подкомиссии*» (СПб., 1912). При этом они не были включены в «*Постановления совещания при Академии наук под председательством академика А.А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г.*» по причине теоретической

незрелости участников этого совещания.

Именно эти предложения прежде всего усиливали фонологическую основу русского правописания, то есть такую систему письма, когда буква передает не звуки в их бесконечном множестве, а фонемы в их не зависимой от ударения или звукового окружения позиции. Они же вызвали самые горячие споры широкого круга участников обсуждения проекта в 1964 г.:

1. «После *Ц* не пишется буква *Ы*, а пишется *И*: *цыган, циркуль, огурцы, бледнолицый, сестрицын*».

Это предложение основано на том, что буква *И*, в отличие от буквы *Ы*, обозначает самостоятельную фонему. Поскольку в произношении сегменты *ЦИ-ЦЫ* абсолютно тождественны независимо от положения в слове, такое изменение правописания не повлияло бы на произносительную систему языка, но позволило бы заменить действующее сложное правило простым и освободиться от исключений.

В комментарии к этому предложению сообщалось, что «внутренняя логика построения русской графики требует принятия *ЦИ* и решительного отвержения *ЦЫ*», так как после всех непарных по твердости / мягкости согласных (*Ж, Ч, Ш, Щ*) пишется не *Ы*, а *И* (*жизнь, ширина, чисто, щит*). Очевидно, что обозначение твердости / мягкости после согласных, которые либо всегда мягкие, либо всегда твердые, излишне. Такая унификация освободила бы пишущего от необходимости запоминать особенности написания в корне, окончаниях и суффиксе.

Несмотря на планируемые удобства, это предложение больше всех подверглось критике участников дискуссии, ученых и рядовых носителей русского языка. Высказывались самые разные, чаще всего малообоснованные суждения. Больше всего рядовых носителей волновало «*соберутся ли циплята, если звать их цип-цип?*» [Букчина и др. 1969: 58].

2. «После шипящих (*Ж, Ч, Ш, Щ*) и *Ц* под ударением пишется *О*, без ударения — *Е*: *жолтый, жолудь, шов, щоки, чорный, цоколь, плечом, пращой, медвежонок, ручонка, смешон, течот, окруженный, жжот, свежо, горячо*, но: *желтеть, желудей, щека, чернеть, плачем, рощей, плачет, выжженый, ярче*».

Это предложение, выдвинутое еще в 1904 году акад. Ф.Ф. Фортунатовым, заменило бы 14 существующих правил и произвело бы практически полную унификацию орфографических рекомендаций, за исключением двух случаев: 1) в слове *ещё* писать *Е* (*Ё*), несмотря на ударность, и 2) некоторые заимствованные слова (*жокей, жонглёр, шокировать, шоссе, шофер* и под.) писать с буквой *О*.

В комментариях к этому предложению указаны недостатки существующего правила, которые послужили основанием и причиной для планируемой унификации:

1) они находятся в противоречии со всеми остальными правилами русского письма: сигнификативно сильная позиция проверяется слабой (*жёлудь — желудей, шёлк — шелка* и др.), в то время как по общему правилу наоборот;

2) правописание *О-Ё* после шипящих становится связанным с различием *Е-И* в безударной позиции: *разжевать — разжован, сжимать — жом* и др.

3) чтобы написать правильно слово с *О-Ё* после шипящих, необходимо обладать этимологическими знаниями, чтобы усмотреть родство слов: *тушёнка — тушение, чёлка — чело, чётный и нечет*. Не обладающий такими знаниями вынужден заучивать необходимые однокоренные безударные формы слова.

В примечаниях к этому предложению сообщалось, что Академия педагогических наук по договоренности с Институтом русского языка поставила некоторые опыты в городских и сельских школах, позволившие сделать ряд выводов относительно предлагаемого правила. Эксперименты, проведенные среди учащихся

разного возраста, показали, что новые написания не представляют трудности для усвоения. Благодаря специальным подсчетам установлено, что написания, которые подлежат изменению, не обладают значительной частотностью в тексте. Наиболее частотное слово *ещё* оставлено без изменения.

3. «После шипящих (*Ж, Ч, Ш, Щ*) буква *Ь* не пишется, например: *доч, мыш, рож, реч, стрич, выпеч, читаеш, отреж, спрячя, намаж, назнач, лиш, сплш, навзнич* и т. д.»

Это разумное предложение основано на том, что шипящие не обладают фонематической мягкостью и обозначение мягкости здесь является совершенно избыточным, что соответствует требованиям фонемного письма.

В соответствии с современными правилами буква *Ь* после шипящих (*Ж, Ч, Ш, Щ*) пишется в следующих случаях:

1) на конце существительных жен. рода в Им. и Вин. пад. ед. ч.: *рожь, ночь, мышь, печь* и под.;

2) в окончаниях глаголов 2-го лица наст. и буд. времени после конечного *Ш*: *носишь — носишься, примешь — примешься, несешь — несешься* и под.;

3) на конце глаголов повелительного наклонения в ед. ч.; при этом *Ь* сохраняется и перед *-ся*: *ешь, мажь — мажься; спрячь — спрячься* и под.;

4) в глаголах повелительного наклонения мн. числа перед *-те, -тесь*: *мажьте — мажьтесь; спрячьте — спрячьтесь; ешьте* и под.;

5) в конечной позиции неопределенной формы глаголов, включая позицию перед *-ся*: *жечь, стричь, стричься*;

6) после конечных *Ш* и *Ч* во всех наречиях: *сплш, настешь, вскачь, прочь* и под., а также в наречии *настешь*;

7) на конце частиц: *вишь, бишь, лишь, ишь*.

В результате упрощения одно правило заменило бы семь существующих в современной практике письма, и, как справедливо заключил один из участников

дискуссии, «*дочь без мягкого знака не превратится в свекровь*» [Букчина и др. 1969: 70].

Следует непременно заметить, что в «Предложения 1964» не был включен вопрос о правописании так называемых приставок на <3> из «Постановлений» 1912 г., которые до сих пор пишутся по фонетическому принципу, вместо того чтобы соответствовать общему правилу орфографии остальных приставок на согласную: во всех случаях писать 3 независимо от последующей согласной. Это будет соответствовать основному принципу необозначения на письме позиционных изменений звука — фонологическому, что приведет к единообразному написанию всех приставок на согласную и упрочит фонологическую основу русского письма. Однако по причинам нелингвистического характера этого не произошло. (Подробно о ситуации с приставками на <3> см. [Григорьева 2019; Григорьева, Науменко 2019].)

Предполагалось, что после опубликования проекта нового свода правил развернется широкое обсуждение, и только после того, как будут высказаны все критические замечания и рассмотрены все предложения, новый свод правил после его утверждения правительством вступит в действие.

Как и ожидалось, опубликованные «Предложения» вызвали множество откликов. В ходе дискуссии были написаны десятки научных статей и тысячи писем рядовыми носителями русского языка. Их авторы выражали свое отношение к идее упорядочения в целом и к отдельным предложениям проекта — в частности. Многие отклики содержали эмоциональные оценки, но не аргументы; общество обнаруживало полное незнание теории и истории русского письма; высказывались опасения, что реформа внесет серьезные изменения в сам язык. При этом материалы многих научных статей выступали серьезным аргументом в пользу реформы,

доказывали несостоятельность подобных опасений, утверждали, что орфографические изменения не могут привести к изменениям в языке. (Анализ материалов дискуссии см. в [Арутюнова 2015]).

М.В. Панов принимал в этой дискуссии самое деятельное участие, активной просветительской проповедью отстаивал мысль о необходимости реформы на основе именно фонематического принципа.

После масштабного обсуждения «Предложения» не были приняты ни обществом, ни правительством. Они ушли на периферию лингвистического внимания, и только на юбилейной конференции к 100-летию М.В. Панова проект 1964 г. стал предметом анализа в докладе проф. Д.Д. Беляева «И все-таки он хороший», где автор совершенно справедливо отметил, что «его потенциал не исчерпан и сегодня» [Беляев 2021: 15]. Безусловно, этот проект должен стать основой для дальнейшего обсуждения вопросов усовершенствования русского правописания. Стоит обратить внимание при этом на то, что *Первый общероссийский съезд учащихся Енисейской губернии по вопросу о введении нового русского правописания* 9 августа 1917 г. не только одобрил все положения к реформе 1917 г., но и высказал пожелание о дальнейшем усовершенствовании правописания. Без сомнения, речь шла именно о тех предложениях «Постановлений» 1912 г, отвергнутых Подготовительной комиссией в мае 1917 г. [Новое русское правописание 1917: 22].

Несколько раньше, предвзято масштабную дискуссию, в которой примут участие разные слои советского общества (от академика до кочегара из Одессы), Михаил Викторович выступил со статьей «Об усовершенствовании русской орфографии», впервые опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» (1963. № 2. С. 81–93), а впоследствии в двухтомнике его избранных трудов [Панов 2004]. Здесь автор отмечал фонематическую непосле-

довательность русской орфографии и указывал на то, что существующие три принципа (морфологический, фонетический и традиционный), «капризно ограничивающие и оттесняющие друг друга», очевидно, создают трудности в обучении письму [Панов 2004: 524].

1964 год в истории русской орфографии обнаружил пик общественной активности. Было опубликовано более 160 разных материалов, и среди них сборники научных статей, в которые включены материалы известных ученых, разъясняющие суть происходящих событий: «Вопросы русской орфографии»; «Проблемы современного русского правописания»; «О современной русской орфографии» (см. список литературы).

Особое место в этом ряду занимает, по определению известного психолога и педагога П.С. Жедек, «увлекательная, как детектив» и «логичная, как теорема», книга М.В. Панова «И все-таки она хорошая!», изданная в научно-популярной серии (М., 1964. 167 с.). В ней автор размышляет о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках с позиций фонологии; в доступной форме излагает сложные вопросы теории орфографии.

Создание этой книги продиктовано стремлением автора в популярной занимательной форме изложить историю русской орфографии в ее соотношении с живым языком. Вместе со своим читателем он рассуждает о ее устройстве в сравнении с письменными системами других языков. Существование виртуального города Какографополь, в котором нет единых правил орфографии, убеждает читателя в их необходимости и обязательности. Утверждается необходимость орфографии, следующей строгим правилам, основанием которой служил бы самый надежный принцип и она была бы удобна в практике письма: «чтобы и писать легко, и читать легко, и учиться письму нетрудно».

Автор развенчивает удобство существующего компромисса фонетическо-

го, традиционного и морфологического принципов, отстаивая при этом права принципа фонематического. Можно сказать, что М.В. Панов многими своими орфографическими публикациями стал рыцарем этого принципа. (Далеко за пределами 60-х М.В. Панов публикует работу «Занимательная орфография», в которой по-прежнему в популярной форме предлагает свои взгляды на устройство нашего языка и его орфографию, говорит о необходимости ее приведения к фонематическому знаменателю.)

В том же году газета «Известия» (1964. № 244, 246) публикует статью М.В. Панова «О силе привычки», где он с прежней убежденностью выступает против таких дифференцировочных написаний, как *мышь — шалаш, розь — нож, циркуль — бледнолицый* и др.; он убеждает читателя, что сознательное изменение орфографии в соответствии с развитием языка — это вполне закономерный процесс в истории любого языка. Перефразируя слова акад. Л.В. Щербы о необходимости время от времени «чинить» письменный мундир языка (язык «в его орфографической одежде»), М.В. Панов пишет, что «орфографию время от времени надо “штопать”, иначе письменный костюм языка окажется слишком изношенным, не будет подходить языку».

Отождествление понятий *язык* и *письмо* рассматривается им как «давнее, постоянное и вреднейшее заблуждение». Он убеждает своего читателя в строгой фонематичности большинства планируемых орфографических нововведений, утверждает мысль о том, что изменение орфографии — это всегда и везде сложный и мучительный процесс, похожий на лечение зубов: «больно, но лечить надо, потому что будет легче» (№ 244); что «языковеды вовсе не захватили дело усовершенствования орфографии в свои руки, а выполняют его как долг перед обществом, как свой высокий профессиональный долг» (№ 246).

Кроме всего прочего, Михаил Викторович по решению Орфографической комиссии выступил как один из главных авторов и руководитель коллективного труда, результатом которого стала уникальная книга — «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии: XVIII—XX вв.» (М.; Л.: Наука, 1965. 500 с.). Это был первый и до сих пор единственный свод предложений по усовершенствованию русского письма, где обобщена деятельность орфографистов разных эпох: от Петровской реформы русской азбуки до времени издания книги, то есть более чем за 2 столетия. Данный обзор основан на архивных документах, отражающих деятельность орфографических комиссий разных лет; в него вошли предложения, которые извлечены из частных писем периода орфографических дискуссий 1904–1912, 1954–1955 и 1962–1964 годов.

В книгу включены только предложения, «наиболее существенные, затрагивающие написание больших групп слов» и допускающие научную аргументацию. При этом не учитывались известные в истории русского письма предложения, которые связаны с такой кардинальной ломкой графики, как, например, введение латиницы и пр.

Особенную ценность в книге представляет библиография, включающая более 1 000 публикаций за весь период существования русской гражданской печати, и список текстов (их более 100) с отступлениями от принятой орфографии. Они стали своего рода предвестниками реформы, начавшейся за полгода до октябрьских событий 1917 года и прошедшей сложный и противоречивый путь воплощения [Григорьева 2004]).

М.В. Панов — автор наиболее важных разделов этой книги:

- Принципы русской графики и орфографии (15–52);
- «Лишние буквы» алфавита (52–73);
- Фонема <о> («Передача гласных после шипящих и <ц>» (142–161);

- Написание с частицей *не* и приставкой *не* (362–380).

Как и в предыдущих своих работах, он продолжает служение фонологической орфографии. Прежде всего — в экспериментальных материалах для средней школы, где предпринята попытка «спустить» научную мысль к практике преподавания русского языка. В этих материалах раздел «Фонетика» излагается на функциональной основе — на основе изучения ключевых понятий русской фонетической системы (понятия о позиционных чередованиях) и их отражения в практике письма. Именно такой подход, по мнению автора, позволяет объяснить русское правописание как «целостную, закономерную, внутренне оправданную, построенную на единых основаниях систему» [Русский язык... 1979: 7]. Впоследствии эти материалы были изданы как самостоятельный учебник для средней школы, который прошел многолетнюю экспериментальную проверку в нескольких школах Москвы и других городов России и Украины.

Кроме того, в статье 1974 г. «О культурно-историческом подходе к орфографии», Михаил Викторович утверждает, что в связи с орфографическими событиями 60-х годов в исследованиях акад. В.В. Виноградова вошла новая тема — теория орфографии, и это соответствовало «общим направлениям научных интересов» ученого. Панов рассматривает также причины, которые привели академика к осознанию того, что фонематический принцип орфографии является более широким в сравнении с морфологическим, что основу правописания должны составить фонемы «в соответственных и соотносительных частях слова» [Панов 2004: 513].

И, наконец, в статье 2001 г. «Усложнить, чтобы упростить» он последовательно говорит о необходимости формирования фонологического мышления при обучении письму на основе фонологического принципа. Вместо множества

«случайно сбежавшихся правил», обучение письму должно быть основано на разумно построенной системе; необходимо изучение фонетики «как позиционной системы», как фонологически организованного целого, что поможет обнаружить «кристальную ясность языка» и бесконечное богатство звучащей речи. М.В. Панов был убежден, что необходимо вывести ученика из мира «вещей» в мир позиционных отношений [Панов 2007: 324–325].

Это был последний шаг на пути великого служения фонеме как фундаментальной основе русского письма.

Две указанные публикации, созданные уже далеко за пределами 60-х, свидетельствуют о том, что Михаил Викторович остался непоколебим в своей орфографической позиции. Он всецело стоял за усовершенствование орфографии на основе фонологического принципа, поскольку фонематические написания целесообразны с точки зрения практической: они

усиливают единообразие письменных навыков носителей языка и не создают серьезных противоречий культурно-исторической традиции. Он был и за преподавание на фонологической основе, которое делает орфографические навыки «сознательными, разумно усвоенными», «убеждают ученика в ценности русской системы письма» и обеспечивают «высокую осознанную грамотность», которая со временем должна превратиться в навык [Панов 2007: 325].

Как следует из всего сказанного, в течение почти четырех десятилетий Михаил Викторович последовательно отстаивал права фонологического принципа русского письма, и хочется надеяться, что его подвижнический труд на этой ниве не будет забыт, но широко воплотится в процессе преподавания русского языка, станет надежной основой при обучении и самостоятельном изучении русской орфографии.

Литература

1. Арутюнова Е.В. «Предложения по усовершенствованию орфографии» 1964 г. и их обсуждение в прессе (на материале публикаций 22 сентября — 16 октября 1964 г.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 5. С. 111–124. Электронная копия доступна по ссылке: <http://elibr.lib.rsuh.ru/elibr/000011795>.
2. Беляев Д.Д. И все-таки он хороший // Материалы Международной научной конференции «Жизнь языка». К 100-летию со дня рождения М.В. Панова 19–21 ноября 2021 г. С. 13–15.
3. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П., Чельцова Л.К. Письма об орфографии. М., 1969. 135 с.
4. Виноградов В.В. Русская орфография и ее реформа // «Известия». 1962. № 297.
5. Виноградов В.В. О необходимости усовершенствования правописания // Вопросы русской орфографии. М.: Наука, 1964. С. 5–22.
6. Вопросы русской орфографии. М.: Наука, 1964. 136 с.
7. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии. М., 2004. 455 с.
8. Григорьева Т.М. Невоплощенные замыслы реформы русской орфографии (фонетический аспект) // #ТОТСБОРНИК Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Выпуск 4. Отв. ред. Н.Б. Кошкарёва. М.: «Словари XXI века», 2019. С. 104–114.
9. Григорьева Т.М., Науменко С.В. Русские приставки на -з как нарушение системы письма // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 2: Филология. С. 9–18.

10. Грот Я.К. По поводу толков о правописании // Современная летопись. 1862. № 28.
11. Новое русское правописание. Красноярск, 1917. 22 с.
12. О современной русской орфографии. М.: Наука, 1964. 160 с.
13. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии: XVIII–XX вв. М.; Л.: Наука, 1965. 500 с.
14. Панов М.В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, её достоинствах и недостатках. М., 1964. 167 с.
15. Панов М.В. Об усовершенствовании русской орфографии // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 522–537.
16. Панов М.В. О культурно-историческом подходе к орфографии // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 513–521. Впервые опубликовано в: Исследования по славянской филологии / Сб. ст., посвященный памяти академика В.В. Виноградова. М.: МГУ, 1974. С. 247–255.
17. Панов М.В. Усложнить, чтобы упростить // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007. С. 322–328. Впервые опубликовано в: Лингвистика и школа: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. Л.Б. Парубченко. Барнаул, 2001. С. 5–10.
18. Панов М.В. Занимательная орфография. М.: Просвещение, 2007. 160 с.
19. Проблемы современного русского правописания. М.: Наука, 1964. 174 с.
20. Русский язык. Экспериментальные материалы для средней школы. М.: Педагогика; под ред. И.С. Ильинской и М.В. Панова. М., 1979. Т. 1. Раздел «Фонетика». С. 115–186.

M.V. Panov's orthographic activity

T.M. Grigorieva,

Siberian Federal University

E-mail: annysten@yandex.ru

The article covers materials testifying M.V. Panov's orthographic activity, his direct participation in the development of the orthographic reform project of 1964. In addition, orthographic publications of the scientist that form the linguistic competence of ordinary native speakers of the Russian language and contribute to the affirmation of the rights of the phonological principle of Russian writing are considered.

Key words: improvement of Russian orthography, project of the year 1964; phonological principle of Russian writing.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-2-38-42

Особенности семантики синтаксических конструкций в лирике В. Набокова

Н.М. Дмитриева,

Оренбургский государственный университет

E-mail: dmitrieva1977@yandex.ru;

В.И. Пьянкова,

Оренбургский государственный университет

E-mail: valeria.pyankova@mail.ru

В статье рассматриваются особенности синтаксического строя лирики В. Набокова. Выявляются синтаксические конструкции, приобретающие в лирике особое значение. Описываются приемы поэтического синтаксиса Набокова: семантические функции тире, семантика императивных конструкций, симметричность синтаксического параллелизма, структурно-семантическое изменение функции вставных конструкций.

Ключевые слова: В. Набоков, синтаксис лирики, функции тире в поэтическом тексте, семантика синтаксических конструкций, вставные конструкции.

В статье на примере анализа нескольких стихотворений (сборник «Груздь», стихи из романа «Дар») описывается, как тот или иной синтаксический «прием» закрепляется за той или иной семантикой и, таким образом, приобретает определенную функцию в поэтическом синтаксисе Набокова. Рассмотрим первое стихотворение «Молчи, не вспенивай души, / не расточай своей печали, — / чтоб слезы душу расцвечали / в ненарушаемой тиши» [Набоков 2002: 76].

Синтаксическая структура стихотворения выстроена как *нагнетание* неполных предложений императивной семантики, эксплицитный член которых выражен глаголом в повелительном наклонении, в том числе с отрицательной частицей «не»: *молчи, не расточай, таи*. Такая синтаксическая структура стихотворения показательна сразу в двух отношениях: как один из способов косвенной цитации, поскольку очевидно отсылает нас к тексту стихотворения Ф. Тютчева «Silentium!» [Тютчев 2002: 123], и как манифестация семантического ореола синтаксической конструкции (по аналогии с «семантическим ореолом метра» М.Л. Гаспарова) неполных предложений. Набоковское стихотворение, таким образом, наследуя тему сти-

хотворения Тютчева, наследует и способ синтаксической репрезентации этой темы (собственно, это и есть семантический ореол конструкции).

В качестве релевантной отсылки мы назвали Тютчева именно потому, что его в большей степени подсказывает синтаксис: а именно совпадение начальных глаголов-императивов (*молчи*), то есть совпадение их в своеобразной сильной позиции (накладывается и ритмическая сильная позиция — первый икт 4Я). Если бы мы руководствовались в поисках текста-референта исключительно темой, можно было бы вспомнить другое *silentium*, например, мандельштамовское «Silentium». Оно тоже вариация на тютчевскую тему, но более близкая по времени к Набокову (1910 и 1935 года). Однако Мандельштам, отсылая нас к Тютчеву, одновременно отмежевывается от него: он убирает из заглавия восклицательный знак и этим уменьшает императивность всего стихотворения (императивы появляются только в последней четвертой строфе — «останься, вернись, устыдись» [Мандельштам 1995: 94]).

Разница, однако, в том, как распределяются по стихотворению глаголы. У Тютчева на первую строфу приходится пять

императивов, три из которых включены в однородный ряд («*Молчи, скрывайся и таи...*»); на вторую — два («*Питайся ими — и молчи*»); на третью — три (*умей, внимай, молчи*). У Набокова на все четыре строфы стихотворения приходится три глагола: «*молчи, не расточай*» — в первой; «*таи*» — во второй и третьей. Такое соотношение есть пример сильной грамматической и семантической связи. Тема молчания (*молчи, таи*) требует конструкций, запрещающих речь, императивных.

У Набокова, правда, отсутствуют восклицательные предложения (у Тютчева это восклицательный знак, вынесенный в заглавие, и «*Внимай их пенью — и молчи!..*» — последняя третья строка), но несовпадение в этом компенсируется совпадением в употреблении тире. Тире и у Набокова, и у Тютчева иконичны, то есть они буквализируют семантику, моделируют саму ситуацию молчания. Особенно это касается тире, соединяющего однородные сказуемые: «*Любуйся ими — и молчи*», «*Питайся ими — и молчи*», «*Внимай их пенью — и молчи!..*» и «*Блаженно бережно таи / дар лучезарный, дар страданья, — / живую радугу, рыданья / неизречимые свои...*».

Использование тире между частями сложноподчиненного предложения («*Молчи, не вспенивай души, / не расточай своей печали, — / чтоб слезы душу расцветали / в ненарушаемой тиши*») — случай использования ненормативного тире, когда оно выполняет не просто традиционную выделительную функцию или обозначает пропуск члена предложения, эллипсис. Здесь тире не только ненормативно, оно избыточно, и эта избыточность дополнительно манифестируется: пауза между частями сложного предложения усиливается, удлиняется, утяжеляется и воплощается графически в тире. Знак семантической *незаполненности* оборачивается, напротив, знаком семантической *наполненности*.

В другом стихотворении («*Придавлен душно дремотой...*») есть случай постановки тире между частями сложноподчиненного предложения (что несвойственно таким конструкциям в обычном строе речи), который попадает в позицию конца

строки и строфы одновременно: «*Ах, если б звучно их раскинуть, / исконный камень превозмочь, / громаду черную содвинуть, / прорвать глухонемую ночь, — / с каким бы громом я воспрянул, / огромен, светел и могуч! / Какой бы гром в ответ мне грянул / из глубины багряных туч!*».

Тире в этом случае выполняет, как нам кажется, интересную функцию: оно уравнивает две части, заведомо находящиеся в неравных позициях как части сложноподчиненного предложения. При таком распределении частей сложного предложения, причем инверсивного (сначала придаточное условия, затем главная часть), в две строфы (первая полностью заполняется придаточным, вторая — две строки), тире, выдвинутое в строфический раздел, подчеркивает синтаксическую тождественность частей. При этом синтаксическая связь между частями сложноподчиненного предложения, по классификации Т.В. Скулачевой, М.Л. Гаспарова [Скулачева 1996: 19], и так являясь слабой, то есть легко разъединяемой, еще раз подчеркивается постановкой несвойственного тире.

Наряду с выполнением несвойственных функций, тире в поэтическом синтаксисе В. Набокова занимает и традиционные позиции, например, оно может ставиться в случае опущения глагола-связки *есть* между подлежащим и сказуемым, как в первой строфе второй части стихотворения «*На смерть Блока*»: «*Пушкин — радуга по всей земле, / Лермонтов — путь млечный над горами, / Тютчев — ключ, струящийся во мгле, / Фет — румяный луч во храме*» [Набоков 2002: 67].

Еще одной особенностью поэтического синтаксиса Набокова является использование параллелизма.

Главная функция конструкций синтаксического параллелизма у В. Набокова, как нам кажется, — организовывать текст по принципу симметрии и целостности, то есть преимущественно функция эстетическая. Кроме того, параллелизм важен для нас, так как он есть «не просто стилистический прием синтаксического дублирования по заданной формуле, его

применяют для создания эффекта, подобного бинокулярному зрению, — происходит наложение друг на друга двух синтаксических образов с тем, чтобы наделить их объемностью и глубиной, повторяется конструкция, в результате чего воедино связываются синтагмы, которые поначалу представляются лишь свободно следующими друг за другом» [П.А. Будберг, Цит. по Якобсон 1987: 101].

Например, см. стихотворения «*Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит! / Как тесно яблоки висят! / Как бы сквозь них, блаженно солнце светит, / стекая в сад*» и его четвертая строфа «*Кто выйдет ввечеру? Кто плод поднимет спелый? / Кто вертограда господин? / В тени аллея, один, лилейно-белый, / живет павлин*»; а также стихотворение «На смерть Блока»: «*Пушкин — радуга по всей земле, / Лермонтов — путь млечный над горами, / Тютчев — ключ, струящийся во мгле, / Фет — румяный луч во храме*» и повторы в четвертой, восьмой строфах; а также стихотворение «*Как буду в этой же карете / чрез полчаса опять сидеть? / Как буду на снежинки эти / и ветви черные глядеть?*» [Набоков 2002: 516].

Стихотворная и прозаическая организация речи отличаются друг от друга как речь ретроспективная и проспективная: буквально *versus* от лат. «повернутый назад», «против», а *proversa* — «идущая вперед», от лат. *prosa* (*oratio*) «прямолинейная, прямая (речь)». Отчасти, именно этим можно объяснить *тягу* поэтической речи «кружиться» и затормаживаться в этом кружении вокруг того, о чем говорится (факта, объекта и проч.). Грамматический параллелизм и есть реализация этой «поэтической техники».

У Набокова основными способами реализации грамматического параллелизма является построение рядов однородных членов предложения и построение цепи предикативных единиц.

Так, повтор вопросительной конструкции из первой строфы («*Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит!*») в последней («*Кто выйдет ввечеру? Кто плод поднимет спелый? / Кто вертограда господин?*») представляет собой регулятив-

ную структуру, основанную на неполном параллелизме и дистантном по отношению друг к другу расположении членов параллели. При этом внутри повторяющихся частей содержится одинаковое количество членов с одинаковой связью, отношениями между ними и соблюдением одинакового порядка слов. Но с добавлением в последней строфе предложения «*Кто вертограда господин?*» эта регулятивная структура становится неполной с *распространением*. Здесь же при дистантном расположении происходит замена лексической единицы в ряду членов параллели «поутру» на «ввечеру», то есть антонимическая замена, актуализирующая смену времени в стихотворении.

В стихотворении, выстроенном как загадка (а параллелизм характерен для эпоса и фольклора вообще), ключ-ответ размещен в последней строке последней строфы: поутру и ввечеру выйдет и поднимет спелый плод вертограда господин — павлин. Поэтому стихотворение это показательно и с точки зрения взаимодействия синтаксиса и композиции. Выделенные параллели с таким размещением образуют *регулятивную рамку*, она же кольцевая композиция и одновременно вид амебейной, когда текст представляет собой чередование вопросительно-ответной интонации, вопросительных и утвердительных предложений.

Стихотворение «*Как буду в этой же карете / чрез полчаса опять сидеть?*» выстроено практически идентично стихотворению, рассмотренному выше. Разница в том, что цепочка параллелей представлена не просто вопросами, местоименно-вопросительными предложениями, а риторическими вопросами, несобственно-вопросительными вопросительно-риторическими предложениями, которые не требуют ответа и употребляются здесь для выражения раздумий и грусти, то есть для выражения эмоционального состояния лирического героя. И в последней строфе, которая заключена в скобки как вставная конструкция, автор не помещает разгадки, не дает ответа, на то, *как он будет в этой же карете, как он будет глядеть на снежинки и ветви* и т. д.

Строфа из стихотворения «На смерть Блока» «*Пушкин — радуга по всей земле...*» интересна для нас как случай *распространения инерции параллелизма*. Заданная конструкция образована группой простых предложений с нулевой связкой между подлежащим и сказуемым. Но сохраняется эта конструкция только в первой строфе и первом стихе. Далее члены параллели, а именно в позиции предиката, заменяются на косвенные дополнения («в венке...», «в ризе...», «о звездах...», «о сверканье...», «о розах...») или на причастный оборот («Тютчев — *веющий росой*»).

Среди стихотворений сборника «Гроздь» нам встретилось только одно с вставной конструкцией, маркированной скобками, это упоминаемое выше стихотворение «Как буду в этой же карете / чрез полчаса опять сидеть?»: «(*Нашупывая поминутно / с брезгливой нежностью платок, / в которой бережно закутан / как будто костяной брелок*)».

Паратентические конструкции в синтаксисе могут значительно усложнять текст, так как объем их может варьироваться от одного слова до нескольких предложений, что особенно затрудняет чтение и понимание при интерпозиции. Но вставная конструкция в постпозиции по отношению к основной части стихотворения, то есть заполняющая последнюю строфу, скорее служит его упрощению. Вставные конструкции, как пишет М.Н. Кулаковский, оказываются мало представленными в лирике В. Набокова, особенно по сравнению с прозой, где частотность их употребления значительно выше [Кулаковский 2002: 6]. Но при этом *экспрессивность* их выше в поэзии, поскольку функционально в поэзии они не получают той мотивировки, которой обладают в прозаическом тексте. Текст поэтический и так организован по принципу *сцепления ассоциаций*, что обыкновенно не требует дополнительного графического выделения тех или иных предложений, мыслей.

В лирике Набокова вставные конструкции выполняют разнообразные функции, например: актуализируют детали портрета, детали пейзажа, передают оценочную ин-

формацию о герое, сравнение или мотивировку создаваемого образа и т. д. Часто вставные конструкции организуют своеобразную речевую игру с читателем, а «игровой элемент» особенно характерен для прозы и лирики XX века.

С точки зрения классификации и определения функции эта вставная конструкция совмещает в себе три типа функций: она одновременно является вставкой информативного характера и вставкой эмоционально-экспрессивного, оценочного характера. Как информативная она сообщает нам дополнительную информацию о лирическом герое, если точнее — о его действиях («*Нашупывая <...> платок*»). Как эмоционально-экспрессивная она передает *состояние* лирического героя — «*Нашупывая поминутно / с брезгливой нежностью платок*».

Третья функция наиболее интересная. Вставная конструкция может служить способом смены «речевого регистра», способом переключения речевых планов. Например, это вставные конструкции со словами автора, включенными в речь персонажа: «*Когда бы / (со вздохом начал он) меня / издатель мой не потревожил, / я б не покинул мест, где прожил / все лето с Троицына дня...*». Но в нашем случае происходит не столько фактическая смена речевого регистра, сколько «осознание себя говорящим», вставная конструкция — это «его комментарий, его оценка, его эмоции» [Тараканова 2018: 86].

Особенность же анализируемой вставной конструкции заключается в несовпадении традиционного назначения, традиционной функции с ее расположением в поэтическом тексте. Конец стихотворения — это его *сильная* смысловая часть, место, где читатель находит «ключи к сонету». Вставная конструкция же предполагает неизбежное ранжирование информации по ее важности: то, чем можно «пожертвовать», не нарушая смысл, заключается в скобки вставных конструкций. Однако здесь мы видим, как смысловая отделенность вставной конструкции, напротив, уменьшается, уменьшается и ее автономность от основной части: сильная

связь с основной частью обеспечивается отнесенностью деепричастного оборота, которым представлена конструкция, сразу к нескольким предикатам основной части (*сидеть, глядеть, глазами провожу, припоминать*).

Таким образом, на примере стихотворений из сборника «Гроздь» мы выделили следующие семантические особенности синтаксиса лирики В. Набокова: 1) неполные предложения императивной семантики для передачи главной идеи стихотворения: запрещающие речь императивы (*молчи, таи, внимай*) олицетворяют само

молчание; 2) «несанкционированное» использование тире в сложноподчиненном предложении для передачи воплощенного молчания (темы текста); тире в простом предложении, приобретающее значение семантической *наполненности*; 3) использование конструкций грамматического параллелизма как способа организации симметрии текста на синтаксическом уровне; 4) изменение функции вставной конструкции, то есть перевод дополнительного сообщения из разряда не связанных с основным предложением структурных элементов в смыслообразующий.

Литература

1. Кулаковский М.Н. Функции вставных конструкций в лирике В. Набокова // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2002. № 4. С. 1–8.
2. Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. // Вступ. Ст. М.Л. Гаспарова и А.Г. Меца; Сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. Санкт-Петербург: Академический проект, 1995. 720 с.
3. Набоков В.В. Стихотворения. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. 674 с.
4. Скулачева Т.В. Лингвистика стиха: структура стихотворной строки // Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика / Под ред. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. Москва: Наука, 1996. 254 с.
5. Тараканова Е.К. Вставные конструкции как особый тип синтаксического изложения // Материалы научного семинара «Слово в русской культуре и межкультурной коммуникации» 27.10.2017. Тула: ТулГУ, 2018. С. 82–86.
6. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 1. // Сост. В.Н. Касаткина. Москва: Издательский Центр «Классика», 2002. 528 с.
7. Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы // Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. Москва: Прогресс, 1987. 464 с.

Features of semantics of syntactic constructions in V. Nabokov's lyrics

Dmitrieva Natalia Mikhailovna,

Orenburg State University

E-mail: dmitrieva1977@yandex.ru;

Pyankova Valeriya Igorevna,

Orenburg State University

E-mail: valeria.pyankova@mail.ru

The article discusses the features of the syntactic structure of V. Nabokov's lyrics. Syntactic constructions that acquire a special meaning in the lyrics are revealed. The techniques of Nabokov's poetic syntax are described: semantic functions of dashes in lyrics, semantics of imperative constructions, symmetry of syntactic parallelism, structural and semantic change of the function of insertion constructions.

Key words: V. Nabokov, syntax of lyrics, functions of dashes in poetic text, semantics of syntactic constructions, insertion constructions.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-2-43-49

Н.П. Кондаков и Бунины: история первой встречи*

М.С. Шавлинский,

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5156-8999>

E-mail: maxim.shavlinsky@yandex.ru

Статья посвящена анализу малоизученных отношений между Н.П. Кондаковым, И.А. Буниным и В.Н. Муромцевой (1896–1917). Оспаривается традиционная датировка знакомства Кондакова и Бунина: 1909 г., утверждается новая — 8 ноября 1910 г. Анализируется общий круг знакомых. Особое внимание уделено ученику Н.П. Кондакова — М.И. Ростовцеву, академику Д.Н. Овсяннику-Куликовскому и А.П. Чехову. На основе сопоставления разных источников проанализированы потенциально возможные встречи между Буниным, Муромцевой и Кондаковым в интеллигентских кругах и литературных салонах конца XIX — нач. XX вв.

Ключевые слова: Н.П. Кондаков, И.А. Бунин, В.Н. Муромцева, биография, круг общения.

Известный русский византист, академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) является важной фигурой не только для искусствознания и исторической науки, но и для истории литературы. Ученый был знаком со многими литераторами конца XIX — начала XX вв., принимал деятельное участие в учреждении отдела изящной словесности при Академии наук, писал рецензии на литературные и критические произведения, общался и переписывался с А.П. Чеховым, а также работал в одной газете с И.А. Буниным. В 1918–1920 гг. И.А. Бунин, В.Н. Муромцева, Н.П. Кондаков, а также его ученица-секретарь Е.Н. Яценко¹ соседствовали в Одессе. Все четверо работали в газете «Южное слово»: Муромцева и Яценко подрабатывали, а Бунин и

Кондаков были соредакторами. В феврале 1920 г. они вместе эмигрировали сначала в Стамбул, а оттуда в Софию и в марте выдворены в последний раз [Муромцева-Бунина 2002: 358]. Бунин и Муромцева уехали в Сербию, затем во Францию, Кондаков остался преподавать в Софии, позднее, в 1922 г. переехал в Прагу, где жил и работал до конца дней. Яценко всё время сопровождала учителя, а после его смерти переехала в Париж.

Имя Кондакова часто встречается на страницах совместных дневников Ивана Алексеевича и Веры Николаевны («Устами Буниных»), Бунин упоминает академика в некоторых своих дневниках и мемуарах: «Окаянные дни», «Гегель, фрак, метель», «Третий Толстой» а Муромцева², написавшая не так много, одну из первых статей, тематически относящуюся к книге «Беседы с памятью», посвящает

¹ Яценко Екатерина Николаевна (1890–1967) — ученица и секретарь Н.П. Кондакова. Вместе с учителем уехала из Петрограда в 1917 г. в Одессу, а затем последовала за ним в эмиграцию, сопровождая до самой смерти. См.: [Муромцева-Бунина 2002: 349–350; Ученые 2020: 92].

² В качестве литературного псевдонима писательница использовала двойную фамилию Муромцева-Бунина [Пономарев 2014: 9].

* Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22–28–01340 «Полное собрание сочинений В.Н. Муромцевой-Буниной: архивное исследование, комплексное изучение, издание».

Кондакову: «Н.П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти)»³. Кондаков, в свою очередь, часто упоминает Бунина и Муромцеву в своих дневниках [Кызласова 2000; Кызласова 2018].

В своей статье Муромцева пишет, что «познакомилась <...> с Кондаковым в Одессе, весной <19>19 года», комментатор И.Л. Кызласова, со ссылкой на дневники Кондакова, оспаривает эту дату и считает, что знакомство произошло 24 сентября 1918 г. (по н. ст.)⁴ [Муромцева-Бунина 2002: 358], а в дневниках В.Н. Муромцевой Н.П. Кондаков впервые упомянут только 3 августа 1919 г.⁵ Но, если в случае знакомства Муромцевой и Кондакова всё примерно понятно — это случилось в Одессе в 1918 или 1919 г., то о дате и месте знакомства Бунина и Кондакова существуют разные мнения. В нашей статье мы сосредоточимся на ранних фактах из жизни Буниных и Кондакова. До сих пор нет четкого понимания, когда и где впервые познакомились И.А. Бунин и Н.П. Кондаков.

Некоторые исследователи традиционно считают, что академики познакомились в 1909 г. или раньше [Кызласова 2000: 37; Варнеке 2002: 86]. Однако такая точка зрения подкрепляется только косвенными данными и предположениями. Нет также сведений, указывающих и на более ранние встречи. Мы придерживаемся иного мнения и считаем, что до осени 1918 г. Бунин и Кондаков виделись лишь однажды: в Санкт-Петербурге, 8 ноября 1910 г. Отдельной темой нашей статьи является подробное описание общего круга общения Бунина и Кондакова с целью выявить все известные нам факты потенциальных встреч Кондакова и Бунина.

³ Муромцева-Бунина В.Н. Н.П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти). Последние новости // 1930. 12 февраля. № 3257. С. 4. Статья переиздана в изд. 2002 г. [Муромцева-Бунина 2002: 348–358].

⁴ Здесь и далее все даты указаны по новому стилю.

⁵ Автор выражает благодарность Сергею Николаевичу Морозову, который в личной беседе сообщил эти данные. См.: Дневник В.Н. Муромцевой — РАЛ, MS.1067/348.

Бунин, Муромцева и Кондаков имели множество общих знакомых, т. к. вращались в общих интеллигентских и творческих кругах Москвы и Петербурга конца XIX — начала XX века. Стоит упомянуть коллег по академии: Н.А. Котляревского (1863–1925), Ф.Е. Корша (1843–1915), А.А. Шахматова (1864–1920), А.Ф. Кони (1844–1927), В.М. Истрина (1865–1937), К.К. Арсеньева (1837–1919), А.Н. Веселовского (1843–1918). Но наибольшего внимания заслуживают: М.И. Ростовцев⁶, А.П. Чехов, Д.Н. Овсяннико-Куликовский⁷.

О Н.П. Кондакове И.А. Бунин мог впервые узнать от М.И. Ростовцева, с которым познакомился и общался в 1896–1898⁸ гг. [Муромцева 2019: 176–178]. М.И. Ростовцев во время учебы в Санкт-Петербургском университете «познакомился с ним <Кондаковым> на практи-

⁶ Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) — историк античности, археолог, профессор Петербургского, Мадисонского (штат Висконсин, США) и Йельского университетов (Нью-Хейвене, США), член Российской (1917) и Берлинской (1914) академий и различных научных обществ, почётный доктор ряда университетов мира. В эмиграции с 1918 г.

⁷ Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853–1920) — литературовед, лингвист. Почетный член Петербургской академии наук (1907), Российской академии наук (1917).

⁸ В конце ноября 1896 г. Бунин познакомился с Марией Карловной Давыдовой (1881–1966) — дочерью издательницы (Александры Аркадьевны Давыдовой, 1849–1902) журнала «Мир божий» («Современный мир») [Летопись 1 2011: 231]. С декабря 1896 г. Бунин часто бывает в редакции журнала. Людмила Сергеевна Врангель вспоминала: «Атмосфера редакции “Мира Божьего” была совсем иная. Мы, зеленая молодежь, чувствовали себя там, как дома. <...> И Иван Алексеевич Бунин, и Александр Иванович Куприн, и моя подруга Соня <Кульчицкая>, и ее жених, будущий знаменитый историк М.И. Ростовцев — наши дорогие друзья незабвенных вечеров в “Мире Божьем”!» [Врангель 1964: 43]. В.Н. Муромцева-Бунина в «Жизни Бунина» приводит хронологическую деталь из письма Л.С. Врангель о тех встречах с Буниным в редакции «Мира Божьего»: «Я тогда кончала гимназию, а Иван Алексеевич был очень молод и не женат» [Муромцева-Бунина 2019: 178]. И.А. Бунин женился на А.Н. Цакни (1879–1963) 23 сентября 1898 г. [Летопись 1 2011: 286].

ческих занятиях в университетском Музее древностей (Никодим Павлович читал в 1890–1891 гг. историю и теорию классического искусства и вел по этой теме семинарии)⁹. Н.П. Кондаков стал учителем М.И. Ростовцева, и они были дружны на протяжении более 30 лет [Зуев 1997: 53]. Следовательно, Ростовцев мог рассказывать Бунину о Кондакове еще при первых встречах в 1896–1898 гг. или позднее в 1902–1903, 1905–1907, 1909 гг., когда общение между Ростовцевым и Буниным стало регулярным [Муромцева 2019: 228, 258, 262, 269, 283; Летопись 1 2011: 561, 701, 841].

В «петербургский период» жизни (по определению В.Ю. Зуева) М.И. Ростовцева (1899–1914), дом Ростовцевых (после женитьбы М.И. Ростовцева на С.М. Кульчицкой в 1901 г.) был «одним из видных центров в жизни ученого и литературного Санкт-Петербурга» [Зуев 1997: 65]. И.В. Туникина полагает, что «они <Бунин и Кондаков>, несомненно, встречались на журфиксах в доме ученика Н.П. Кондакова, профессора М.И. Ростовцева, который был дружен с И.А. Буниным» [Варнеке 2002: 86]. Сам Кондаков, живя в Петербурге, часто устраивал «субботы» [Муромцева-Бунина 2002: 358]. Однако на данный момент нам неизвестны какие-либо свидетельства, доказывающие, что Кондаков и Бунин виделись в доме Ростовцева и что Бунин бывал на приемах Кондакова.

Позднее личность М.И. Ростовцева была предметом разговоров между Буниными и Кондаковым: «с особой нежностью всегда говорил он <Кондаков> о своем ученике М.И. Ростовцеве» [Муромцева-Бунина 2002: 353]. Как и наоборот — Н.П. Кондаков мог быть темой для разговора между приятелями: «Судя по письму к Н.П. Кондакову от 11 июня 1920 г., Ростовцев и Бунин виделись во Франции до

отъезда Ростовцева в США. Ростовцев из Оксфорда писал Кондакову: “В последнее время я много слышал о Вас от И.А. Бунина, который поселился на время в Париже и, как мне кажется, в Софию возвращаться не собирается. Мы с ним старые друзья и много беседовали о Ваших переживаниях”» [Бонгард-Левин 1997: 300].

Другим общим знакомым И.А. Бунина и Н.П. Кондакова следует признать А.П. Чехова. Чехов иногда упоминал Кондакова в разговорах с Буниным (писатели познакомились 12 декабря 1895 г. [Летопись 1 2011: 209]). Бунин в книге «О Чехове» пишет:

«Я приезжал, и случалось, что мы, сидя у него в кабинете, молчали всё утро, просматривая газеты... <...> Принимайте аппетитные капли и будете жить сто лет. Я пропишу вам нынче же, я ведь доктор. Ко мне сам Никодим Палыч Кондаков обращался, и я его вылечил» [Бунин 1988: 194–195].

Впервые Чехов упоминает Кондакова 17 января 1899 г. в письме А.С. Суворину: «Тут в Ялте живет академик Кондаков. Нас обоих город выбрал в комиссию для устройства пушкинского праздника. Хотим ставить “Бориса Годунова”, Кондаков будет Пименом» [Чехов 1980: 24].

Тогда же в январе 1899 г. они знакомятся и часто видятся, обсуждают учреждение при Академии наук отделения изящной словесности [Гитович 1995: 547]. Позднее Чехов и Кондаков виделись: 4 марта 1899 г. [Гитович 1995: 552], и в январе 1900 г. [Гитович 1995: 604, 607], кроме того, состояли в переписке с 1899 по 1904 гг.¹⁰ Существует также фотография, сделанная на даче Кондакова в Ялте (около 1902 г.), где запечатлены А.П. Чехов, Н.П. Кондаков и его сын Петя [Кызласова 2018: <Фотографии>]. Поскольку в переписке между А.П. Чеховым и Н.П. Кондаковым нет свидетельств указывающих, что Чехов как

⁹ См. также «Странички воспоминаний» М.И. Ростовцева, где ученый вспоминает первые встречи с Н.П. Кондаковым в университете [Ростовцев 2002: 211–212].

¹⁰ Подробнее о переписке Чехова и Кондакова см.: Кызласова И.Л. Из переписки А.П. Чехова и Н.П. Кондакова [Кызласова 2018: 387–394].

врач оказывал консультацию Кондакову, можно предположить, что подобная беседа могла быть при встрече в указанные выше даты.

Общение «в кабинете» позволяет точно сказать, что подобная беседа могла происходить только в Ялте на даче у Чехова. Бунин и Чехов виделись в Ялте, начиная с 1899 г.: 7–10 апреля 1899 г., «почти ежедневно» 15–23 апреля 1900 г., ежедневно и подолгу 16–21 февраля, 8–14 апреля, 5–9, 12 сентября 1901 г., 3–12 апреля 1902 г., конец марта 1903 г. [Летопись 1 2011: 316–317, 350–351, 397–400, 407, 430–432, 458–459, 502]. В этом же эпизоде из книги «О Чехове» упоминается другое событие:

«Помните, как вы мне рассказывали, что он до слез восхищался однажды стихами в “Русском богатстве” какого-то Вербова или Ведкова, где описывались “волки реакции”, обступившие певца, народного поэта, в поле, в страшную метель, и то, как он звучно ударил по струнам лиры, что волки в страхе разбежались?» [Бунин 1988: 195].

Речь о стихотворении Н. Ведкова¹¹ «В ожидании утра» (Русское богатство. 1899. № 8. С. 209–210). Восьмой номер вышел с опозданием только в ноябре 1899 г. Таким образом, можно точно исключить вероятность беседы о Кондакове во время встречи между писателями в апреле 1899 г. Учитывая, что эти встречи были частыми и наедине, больше всего под описание подходят встречи в апреле 1900 г. и феврале 1901 г.¹² Таким образом, можно заключить, что Бунин узнал про Кондакова не позднее февраля 1901 г., а Кондаков мог знать о Бунине из литературных бесед между ним и Чеховым в 1899–1900 гг. Можно также предположить, что Н.П. Кондаков и И.А. Бунин в конце 90-х гг. XIX — 00-х гг. XX в. могли встретиться в Москве, в Петербурге или в Одессе, где часто бывали,

¹¹ Настоящее имя: Медведков Нил Николаевич (? — 1921 г.) — поэт, переводчик [Масанов 1 1956: 232].

¹² Лично нам кажется, что февраль 1901 г. — наиболее вероятная дата.

имели общих знакомых и могли посещать одни и те же культурные и литературные мероприятия¹³.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский и Бунин познакомились весной 1908 г. Бунин опубликовал 7 стихотворений в № 1 сборника «Зарницы», редактором сборника, в числе прочих, был Д.Н. Овсяннико-Куликовский [Летопись 1 2011: 734–735].

Д.Н. Овсяннико-Куликовский поддержал выдвижение Бунина на звание почетного академика [Летопись 1 2011: 802]. 1 ноября 1909 г. Овсяннико-Куликовский принимал участие в заседании Академии наук, где избрали Бунина, в этом же заседании принимал участие Н.П. Кондаков [Летопись 1 2011: 834].

Точно можно утверждать, что Овсяннико-Куликовский и Бунин виделись 25 сентября 1910 г.: «Бунин присутствует в редакции издательства “Шиповник” на чтении пьесы Л.Н. Андреева “Океан”», среди присутствующих упоминается Д.Н. Овсяннико-Куликовский [Летопись 2 2017: 54]. Позднее Бунин и Овсяннико-Куликовский еще не раз будут встречаться, общаться и сотрудничать в «Вестнике Европы», «Южном слове» с 1910 по 1919 гг. [См.: Летопись 2 2017]. См., например, письмо И.А. Бунина П.А. Нилусу от 30 сентября 1911 г.: «Милый друг, я толковал о тебе с Овсян<ико>-Куликовским, и он подтвердил, (совершенно искренно), что роман твой ему весьма многим понравился <...> он дал мне слово употребить все старания напечатать роман в <...> “В<естнике> Евр<опы>”» [Бунин 2007: 185]. Этот

¹³ Подтвердить эту информацию на основе разных словарей («Русские писатели 1800–1917», «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917») и летописей («Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891– октябрь 1917)», «Литературная жизнь России 1920-х годов. Москва и Петроград 1917–1920 гг.») не удалось. Известно, что Кондаков входил в литературно-политическое «Русское собрание», открытое в Петербурге 12 февраля 1901 г. [Литературные объединения 2004: 190]. Однако нет никаких свидетельств, что Бунин посещал эти собрания. О «субботах» Кондакова и «средах» Ростовцева мы писали выше.

разговор, как и переписка академиков, подтверждает, что в первую очередь они обсуждали деловые вопросы, связанные с публикациями (себя, друзей) и гоно-раром. Нельзя исключать, что предметом бесед между Буниным и Овсяннико-Куликовским мог быть и Н.П. Кондаков, а предметом общения Овсяннико-Куликовского и Кондакова — Бунин. С Кондаковым Овсяннико-Куликовский познакомился не позднее 1907–1908 гг., когда стал академиком.

1 ноября 1909 г.¹⁴ «В Императорской академии наук на заседании Разряда изящной словесности Бунина избирают почетным академиком», среди присутствующих упоминается Н.П. Кондаков¹⁵ [Летопись 1 2011: 834]. Бунин в этот момент находится в Москве и узнает о том, что избран академиком вечером 1-го ноября из срочной телеграммы от Котляревского. Содержанием телеграммы Бунин делится в письме А.М. Федорову 3 ноября: «Вечером 1-го сидели у меня гости и вдруг вбежал Сева с криком: “Телеграмма академику Бунину”! И действительно, было адресовано: “академику”. Я опешил. Разорвал: “Сердечный привет от товарищей по разряду. Котляревский”. Но, повторяю, опешил я и на другой день, когда стали являться ко мне из газет, чувствовал себя странно и неловко» [Бунин 2007: 131].

4 ноября Бунин пишет письмо Н.А. Котляревскому с благодарностями и обещает лично зайти, когда окажется в Петербурге [Бунин 2007: 131]. В Петербург

Бунин и Муромцева приезжают 10 ноября, останавливаются в гостинице «Северная» и вечером того же дня они «ужинали у Палкина вместе с Ростовцевым и Иорданским» [Летопись 1 2011: 841; Муромцева-Бунина 2019: 520]. «Затем начались приглашения: “чашка чаю” у Ростовцевых, обед у Котляревских, ужин у Додона <...> Нестор Александрович Котляревский руководил Яном. Давал ему советы, кому надо сделать визиты и так далее. Конечно, прежде всего нужно было поехать в Мраморный дворец к председателю Академии великому князю Константину Константиновичу» [Муромцева-Бунина 2019: 520–521].

19 ноября Бунин уезжает в Москву [Летопись 1 2011: 845], а позднее, 24 ноября, из Москвы, в письме П.А. Нилусу пишет: «Визиты делать товарищам по Академии, слава Богу, не требуется — знакомство и поклоны происходят на первом заседании, где вновь избранный может говорить “вступительную” речь, — так что был я только у Великого Князя, да и того не застал: он уехал в Павловск и я ограничился тем, что расписался <в журнале посетителей>» [Бунин 2007: 133]. Таким образом, нет никаких свидетельств, подтверждающих, что Кондаков и Бунин виделись в 1909 г. В следующий раз Бунин приезжает в Петербург только 23 сентября 1910 г., уезжает 6 октября [Летопись 2 2017: 54–55]. Позднее, 28 октября, Бунин и Муромцева приезжают в Петербург снова и остаются до 27 ноября [Летопись 2 2017: 59–69].

С полной уверенностью можно сказать, что Бунин и Кондаков виделись 8 ноября 1910 г.¹⁶: «В Петербурге Бунин присутствует на экстренном заседании Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, на котором было принято решение послать

¹⁴ Предварительно в 1909 г. Бунин стал лауреатом Пушкинской премии, разделив победу с А.И. Куприным. Н.П. Кондаков в рамках премии за 1909 г. принимал участие в рецензировании, ему досталась книга Айхенвальда. См.: Кондаков Н.П. Ю.И. Айхенвальд «Силуэты русских писателей». Выпуски I и II (Москва, 1908) // ОРЯС. Т. 89. № 6. С. 66–72.

¹⁵ Н.П. Кондаков стал ординарным академиком историко-филологического отделения Петербургской академии наук в 1898 г. (ИФО ИАН). Был переведен (из ИФО в ОРЯС) и избран ординарным академиком отделения русского языка и словесности 15 января 1900 г. См.: [Летопись РАН 3 2003: 609].

¹⁶ Никаких сведений о потенциальных встречах Бунина и Кондакова до 1910 г. в Академии наук обнаружить также не удалось. См.: [Летопись РАН 4 2007].

коллективную телеграмму вдове Л.Н. Толстого» В экстренном заседании приняли участие: Великий князь Константин, А. Кони, Ив. Бунин, К. Арсеньев, Ф. Фортунатов, Д. Овсяннико-Куликовский, Н. Кондаков, В. Ламанский, Н. Котляревский, А. Шахматов» [Летопись 2 2017: 64]. Однако никаких сведений об общении (видимо, кроме формального в рамках заседания) между академиками нет.

Позднее Бунин и Кондаков взаимодействовали 26 октября 1912 г. Они и другие академики подписывают «коллективную приветственную телеграмму Д.Н. Мамину-Сибиряку в связи с 40-летием литературной деятельности писателя»

[Летопись 2 2017: 294–295; Бунин 2007: 410–411]. Однако телеграмму отправляют из Петербурга, а Бунин в этот момент находится в Москве. Вероятно, что до встречи в Одессе в 1918 г. академики не общались, во всяком случае, на данный момент нам не удалось найти никаких свидетельств, подтверждающих этого.

Таким образом, подробно изучив все известные свидетельства о контактах между И.А. Буниным и Н.П. Кондаковым, изучив круг их общения (Чехов, Ростовцев, Овсяннико-Куликовский), мы можем утверждать, что в этот период (1896–1917) они виделись всего один раз — в Санкт-Петербурге, 8 ноября 1910 г.

Литература

1. Бонгард-Левин Г.М. Четыре письма И.А. Бунина М.И. Ростовцеву // Скифский роман. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 300–304.
2. Бунин И.А. О Чехове / Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. С. 146–218.
3. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / И. А. Бунин ; Под общ. ред. О.Н. Михайлова ; Отв. ред. С.Н. Морозов; Подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова и др. Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького и др. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.
4. Варнеке Б.В. Материалы для биографии Н. П. Кондакова / публ., вступ. ст. И.В. Тункиной // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2002, Вып. 4. С. 72–152.
5. Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена / бар. Людмила Врангель. Вашингтон: Изд-во книжного магазина Victor Kamkin, 1964. 221 с.
6. Зуев В.Ю. М. И. Ростовцев: Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 50–83.
7. Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М.: Гослитиздат, 1955. 880 с.
8. Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М.: Издательство Академии горных наук, 2000. 440 с.
9. Кызласова И.Л. Из переписки А.П. Чехова и Н.П. Кондакова // Академик Никодим Павлович Кондаков. Поиски и свершения. СПб.: Алетейя, 2018. С. 387–394.
10. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина: В 2 т. Т. 1: 1870–1909 / Учреждение Российской акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.
11. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина: В 2 т. Т. 2: 1910–1919 / Учреждение Российской акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

12. Летопись Российской Академии наук. Т. 4: 1901–1934 / отв. ред. д.филос.н., проф. Э.И. Колчинский, к.ист.н. Г.И. Смагина; [сост.: К. Г. Большакова [и др.]. СПб.: Наука, 2007. 1050 с.
13. Летопись Российской Академии наук. Т. 3: 1861–1900 / Отв. ред. к.ист.н. М. Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2003. 994 с.
14. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь / сост. М. Шруба, науч. ред. А.И. Рейтблат]. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.
15. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1956. 442 с.
16. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: ПРОЗАиК, 2019. 560 с.
17. Муромцева-Бунина В.Н. Н. П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти) // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 348–358.
18. Пономарев Е.Р. Предисловие // «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М. А. Степун. 1934–1961. М.: Русский путь, 2014. С. 5–22.
19. Ростовцев М.И. Странички воспоминаний // Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 211–216.
20. Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: краткий биографический справочник: К / науч. ред. и сост. Е.Ю. Басаргина, И.В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. СПб.: «Реноме », 2020. 168 с.
21. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 8. Письма, 1899 / Тексты подгот. и примеч. сост. Н.А. Роскина; Редактор восьмого тома Л.Д. Опульская. М.: Наука, 1980. 710 с.

N.P. Kondakov and Bunin: the history of pre-Odessa relations (1896–1917)

Shavlinsky Maksim Stanislavovich,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5156-8999>

E-mail: maxim.shavlinsky@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the little-studied relationships of the pre-Odessa period of life (1896–1917) between N.P. Kondakov, I.A. Bunin and V.N. Muromtseva. The traditional dating of the acquaintance of Kondakov and Bunin is disputed: 1909. The general circle of acquaintances is analyzed. Particular attention is paid to the student of N.P. Kondakov — M.I. Rostovtsev, academician D.N. Ovsyaniko-Kulikovskii and A.P. Chekhov. Based on a comparison of different sources, potentially possible meetings between Bunin, Muromtseva and Kondakov in intellectual circles and literary salons of the late 19'th — early 20'th century are analyzed.

Key words: N.P. Kondakov, I.A Bunin, V.N. Muromtseva, biography, social circle.

О специфике комментирования художественного текста в иноязычной филологической аудитории

К.А. Рогова,

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: kira.rogova.31@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые типы композиционных приемов в текстах художественной литературы, содержащие информацию, способную конкретизировать ее «скрытое содержание», связанное с обнаружением мыслей, эмоциональных состояний персонажа. Ставится вопрос о возможных подходах к комментированию содержания таких компонентов текста в процессе обучения русскому языку как иностранному, которое должно привести к самостоятельной интерпретации текста учащимися.

Ключевые слова: анализ художественного текста в иноязычной аудитории, скрытые смыслы текста, персонификация участников общения

На первый взгляд, тема данной статьи едва ли может получить сколько-нибудь новое развитие с учетом того, что она традиционно является объектом внимания лингвистов и литературоведов, а также специалистов в области лингводидактики. Обсуждению данной проблематики посвящены многочисленные статьи, диссертации и учебные пособия; см. библиографию в [Гуревич 2022: 43–45]. Однако художественная литература столь широка по своему охвату жизни человека и художественному потенциалу, что каждое обращение к ее текстам дарит какие-то новые смыслы и заставляет задуматься о безмерных возможностях языка.

Так, упомянутая выше статья П.Ю. Гуревича, посвященная работе с художественным текстом в иностранной аудитории, касается лингвокультурологических аспектов его изучения. Автор рассматривает вопрос о тематическом отборе текстов, уделяет внимание их соответствию уровню языковой компетенции учащихся, вопросам адаптации и др., при этом

настаивает «на самостоятельном понимании текстов как средстве обучения языку», считая это «главной и трудной целью» [Гуревич 2022: 39]. Положение о том, что основой в процессе понимания инофоном художественного текста на русском языке является опора на предыдущее знание реципиента, приводит к тому, что, как и принято, основное внимание обращается на отличия такого предыдущего знания в родном языке учащегося от того, которое существует у носителей русского языка. Сказанным определяется важность лингвокультурологического подхода к анализу художественного текста как объекта изучения иностранными учащимися-филологами.

Когда мы говорим о лингвокультурологическом подходе, то имеем в виду, прежде всего, когнитивный подход к объяснению значений слов: речь идет, в частности, об историко-культурных коннотациях и функциональных особенностях лексики. Словарь к изучаемому тексту должен учитывать возможную реализацию всех этих аспектов.

Но, помимо этого, для художественного текста характерно обращение к целому ряду иных приемов, используемых в национальной литературе, без знания которых читателю оказывается трудно понять смысл целого текста. Одним из них в классической литературе является *подтекст*, т. е. «внутренний добавочный смысл текста, высказывания» [Ожегов 1984: 482]. Содержательно подтекст связан с включением в текст информации о чувствах и мыслях персонажей, участвующих в описываемых событиях. Однако такая информация часто носит характер недоговоренности, неисчерпанности смысла сказанного, и это заставляет персонажа, а затем и читателя, восстанавливать его полноту. Возможность такого «восстановления» предусматривается наличием предшествующей событийной информации, содержащейся в тексте, универсальными и интертекстуальными знаниями читателя, его интеллектуальным запасом. Таким образом, одной из задач работы с художественным текстом в иноязычной аудитории становится развитие у учащихся внимания к деталям изложения, чувства смысловой неполноты, стимулирующей активизацию собственных знаний о действительности, а также своей литературной памяти.

Проиллюстрируем сказанное одним примером. В рассказе А. Битова «Но-га», который используется в практике преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ), герой — второклассник Зайцев, недавно оказавшийся в новой для него школе и страдающий от одиночества, получает приглашение от двух одноклассников отправиться после уроков на территорию стройки. Совместный поход обещает будущую дружбу с ребятами. Однако решиться на согласие было не так просто: утром мама напомнила о дне рождения отца и просила прийти домой не задерживаясь. После колесаний мальчик отправляется с ребятами на стройку, но там он неудачно падает.

Он хотел вскочить, сказать: ничего, ничего страшного.

Вскочил — чуть не закричал от боли.

— Ббольно, — только и сумел сказать он.

— Ну вот, — сказал второй.

— Я же говорил, — сказал первый, — не надо было брать его с собой.

— Тюфяк, — сказал второй.

Это было невозможно слышать, да и боль вдруг стала таять.

— Это пустяки, — сказал Зайцев. Ему было стыдно, и он не смотрел на товарищей. Слезы всегда его подводили. От боли ведь он никогда не плакал. Только от обиды. Будто не он сам, а кто-то в нем плакал.

Не глядя на товарищей, он повернулся и направился к лестнице (Андрей Битов. Но-Га).

Эпизод, понятный сам по себе как сообщение о мужественном поведении мальчика, испытывающего острую **боль**, на уровне подтекста выражает чувство несбывшихся надежд: с дружбой не получается, и вину перед матерью, просьбу которой вернуться домой пораньше, он не мог забыть. Всё это усиливает его страдания и приводит к трагической развязке: с поврежденной ногой, мальчик из последних сил уже вечером добирается до дома, но не может подняться по лестнице, и здесь, в парадной, происходит его встреча с отцом, который возвращается после поисков пропавшего сына. Раздражение отца, отчаяние ребенка становятся понятными на базе всех тех происшествий, которые включил в жизнь персонажей этот день.

Работа с таким текстом требует развития у учащихся внимания и искусства понимания того глубокого смысла, который стоит за этим рассказом: о том, какими сложными могут оказаться отношения «отцов и детей», как они могут быть мотивированы мелкими событиями каждодневной жизни.

Проблема: как комментировать текст, как организовать работу с подтекстом?

Заметим, что там, где речь идет «об активной (то есть предполагающей **самовозрастание смысла**) передаче информации», Ю.М. Лотман как раз и видел проявление языковой деятельности [Золян 2022: 108]. Такие компоненты текста в практике обучения становятся базой не только для дальнейшей интерпретации текста, но и для пополнения языкового запаса учащихся. Обращение к анализу создания подтекста согласуется и с задачами когнитивной лингвистики, рассматривающей язык «как средство доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризованной в голове (мозгу) человека деятельности», обострившей внимание к проблеме «язык и сознание» [Кубрякова 2012: 69].

Будучи распространенным приемом реалистической художественной литературы XIX века, подтекст активно используется и сегодня, о чём свидетельствует рассмотренный выше рассказ.

Для литературы эпохи модерна характерен прием «потока сознания», который направлен на ассоциативное расширение смысла текста с ориентацией на внимание к внутреннему состоянию персонажа, в поле зрения которого попадают события и детали окружающей жизни, как будто проходящие мимо его сознания, но оставляющие свой след. Этот прием позволяет автору (и читателю) обращаться к непосредственному воспроизведению внутреннего мира героя, что связано с попыткой создать впечатление возможности проникнуть в его интимные переживания.

Так, в рассказе В. Набокова «Музыка», который также используется в практике преподавания РКИ (на уровне С2), герой во время домашнего концерта видит среди присутствующих свою бывшую жену, с которой он расстался два года назад.

Его сознание возвращает события их совместной счастливой жизни, ср. фрагменты текста: *Мы будем счастливы*

всегда — как это звучало, как переливалось; ... купались в море почти круглый год и др. Но продолжение текста контрастным описанием (На ветру дрожал студень медуз, выброшенных на гальку. Блестели мокрые скалы. Однажды видели, как рыбаки несли утопленника, — из-под одеяла торчали удивленные босые ступни) вводит в повествование знаки «неверного» счастья, воспоминания о котором (с не уходящим чувством удивления) по-прежнему тяжело тревожит героя (Владимир Набоков. Музыка, с. 396).

Так литература открывает для себя разные способы представить прошлое персонажа как состояние его души, как то, что не уходит из его сознания, во многом предопределяя восприятие окружающей жизни и поведение.

Комментарий, толкование этого приема в процессе обучения РКИ, требует от преподавателя серьезной подготовки, поиска эффективных форм приведения инофона к осмыслению такой информации.

Большая роль в раскрытии характера персонажа, его внутренней жизни принадлежит диалогам, прямой речи, репликам сопровождения, часто передающим «помимовольное» состояние героя повествования. Из специальных приемов отметим употребление автором в художественном тексте не классического диалога, а набора реплик только одного персонажа — как правило, главного героя, которому и предоставляется полная возможность самовыражения (о содержании сознательно пропущенных реплик второго коммуниканта читатель может только догадываться). Так в рассказе Ю. Трифонова «Посещение Марка Шагала» такой «монологический диалог» представлен только репликами самого Шагала, который, как пишет Трифонов, *«набросился на нас с вопросами. Он изголодался по разговору <...> ему не терпелось поговорить».*

— *Вы писатель? Вы можете писать всё, что хотите? Когда вы возвращаетесь домой? А она красивая! Это ваша жена или просто так? В Москве меня помнят? Еще не забыли? Не может быть? Неужели вы были в Витебске? Нет, в самом деле вы были в Витебске? Вы ошибаетесь, эта улица рядом с кладбищем. Слава богу, я помню. Можете меня не учить про Витебск. Я знал Маяковского, Есенина, многих, они все умерли. Как вы думаете, зачем моя сестра всё время присылает мне монографии советских художников? Ведь они дорого стоят!* (Юрий Трифонов. Посещение Марка Шагала, с. 416).

Шагал не сразу дает ответ на просьбу автора-повествователя подписать репродукцию картины (имеется в виду известная картина с изображением часов, под которыми в нижнем углу видна маленькая фигура человека): *Он держал ее далеко от глаз, смотрел долго, пристально, как на чужую работу. И вдруг пробормотал едва слышно, не нам, а себе:*

— *Каким надо быть несчастным, чтобы это написать...* (Там же, с. 417).

Подчеркнем, что работа с таким текстом в аудитории иностранных учащихся (уровень В2) делает возможным (и даже необходимым) наблюдение как над лексическим составом текста, так и над синтаксическими конструкциями, участвующими в «спрессованном» представлении жизни героя, хранящейся памяти о родном городе, о литературном окружении его времени, о сохранении связей с родными. Фраза художника о воплощенном в картине состоянии человека, окрашенная оценочной модальностью, также вступает в сложные смысловые отношения с непосредственным предтекстом и может стать основой обсуждения творчества Шагала с привлечением соответствующего иллюстративного материала. Подчеркнем, что работа с подобными текстами помогает читателю осознать общую черту художественной культуры — ее внимание к «состоя-

нию души» человека; см. об этом [Каган 2003: 10–13].

Что касается современных поисков способов представления внутренней жизни человека, то здесь можно отметить (в противоположность проанализированному выше приему) сосредоточение автора на описании протекания диалога с абстрагированием от его конкретного содержания, помещаемого в конце эпизода в виде рефлексии на события, о которых, вероятно, шла речь. Так, например, в зону изображения в интродуктивном компоненте текста романа А. Дмитриева «Другой берег» попадает характер бесед случайно встретившихся людей, каким-то образом обнаруживших «родство душ»:

Авель подобрал меня в Каневе; я там красил пристань. <...> На разговор с ним я не напрашивался, но Авель <...> заговорил со мной сам, о пустом, не помню. Я отвечал ему неважным чем-то, но разговор наш был продолжен и на следующий день, и на другой, и длился все пять дней — ведь ровно столько Авель пробыл в Каневе, устраивая там какие-то свои дела.

Продолжение бесед рассказчика и Авеля ведется как идентификация участников и описание их речевого поведения: *Ему было легко болтать со мной. Я всё же отставной учитель литературы с почти сорокалетним стажем; язык мой без костей и хорошо подвешен, но главное — я хорошо обучен слушать. <...>*

Я человек закрытый: не в футляре, но уж точно — в раковине. <...> Я говорлив, но это и есть моя раковина. Чем меньше я хочу сказать по существу, тем охотней и обильней говорю <...>, и тем вернее я разбалтываю собеседника... (Андрей Дмитриев. Другой берег, с. 7).

В описание разговоров вводится второй их участник — Авель: *Авель, похоже, первый в моей жизни человек, с кем этот номер не прошел. Он вскрыл меня легко, словно какой-нибудь француз — устрицу. <...> Я начал понемногу, вроде бы и сам*

того не замечая, выкладывает ему всю эту идиотскую свою дурню, весь этот адов бред — а я ведь запретил себе этим бредом бредить даже и наедине с самим собой <...>

Я понял, собеседник мой не абы как умен, но он умен умело (Там же).

Как видим, данное повествование представляет не конкретное содержание диалогов, а коммуникативную характеристику разговора как такового, которая включает презентацию его участников, сообщает о характере протекания общения — вводит своего рода метатекст с использованием средств языковой выразительности. Эта сторона текста привлекает к себе сегодня особое внимание как один из способов представить на фоне повествования (встреча героев, знакомство, которое будет продолжено) сюжет души — внутреннее состояние персонажа, его оценки событий и самооценку.

Итак, качество недоговоренности, неисчерпанности смысла художественного текста как одна из важнейших его характеристик находит разные формы воплощения, обеспечивая реципиенту восстановление смысла на участках его особой значимости для осмысления целого. Это может быть само содержание текста в его деталях, что ставит задачу развития внимания к ним и сохранения их в памяти на протяжении чтения. Это может быть также образное изображение действительности — описание с ориентацией на чувственное восприятие, суммарное представление событий, что требует их конкретизации на основе актуализации знаний читателя об историко-культурных фактах, а также включения собственного опыта общения, в котором проявляются разные человеческие характеры.

Перечисленные явления, имея типологический характер, в разных текстах находят выражение в ключевых высказываниях, занимающих особое место в со-

держательной структуре произведения. В рассмотренных выше художественных текстах это и слова мамы в представлении событий, в которых участвуют только мальчики, и введение описания в повествование об отношениях персонажей, и реплика о страданиях художника после нейтрального по духу сообщения о его прошлом, и, наконец, описание длительных бесед, начавшихся разговором «о пустом», «о чём-то неважном» и перешедших в рассказ о «расколовшейся надвое» жизни. Развивая у учащихся внимание к сменам характера информации в художественном тексте, определяющим движение смысла, нацеленного на передачу мыслей и чувств персонажей, такая работа обуславливает интерес инофонов к тексту, формируя у них навыки чтения-понимания.

Отметим, что близкие по проблематике исследования чтения как процесса извлечения и интерпретации смысла ведутся и в философии. Этому посвящены, в частности, работы проф. В.А. Подороги (см., в частности, [Подорога 1995]), для которого, как отмечает Т.Д. Венедиктова, «литература предстает полноценной теорией человеческого опыта, который в ней и тематизируется, и ищет выражения в формальном / языковом эксперименте (содержательной форме), и воспроизводится в соответствующем режиме рецепции» [Венедиктова 2016].

Интерес В.А. Подороги сосредоточен на неуловимом *нечто*, которое автор помещает в фокус внимания, называя «антропограммой», «основной фигурой чтения». Исследователь указывает и на то, что читателю необходимо «удерживать в аналитическом сознании имманентную структуру того, как мы читаем», обращая внимание в первую очередь на форму выражения и «мировую линию», выполняющую коммуникативную и композиционную функции» [Подорога 1995: 19–20]. Под «мировой линией» понимается то, что объединяет «точки вну-

тренного пространства (текста — *К.Р.*), но не в силу их близости или сходства, а в силу их наивысшей интенсивности» [там же: 22].

Заметим в этой связи, что представления об информационной структуре текста, изложенные в нашей статье, и идеи В.А. Подороги о наличии в пространстве текста точек «наивысшей интенсивности» и о соединяющей их «мировой линии», которая выполняет композиционную и коммуникативную функции, весьма близки. Данная информационная структура сосредоточена на линии сложения / интеграции смыслов; она допускает параллельное развитие нескольких повествовательно-тематических векторов, которые взаимодействуют между собой, вызывая у читателя сложные эмоции; см. об этом также [Бабенко 2021].

Таким образом, как видим, задача обучения инофонов пониманию смысла художественного текста требует вдумчивого отношения методистов не только к составлению лексического комментария. В настоящее время комментарии к сложным языковым выражениям занимают место в качестве притекстовых за-

даний, что связано с методикой медленного чтения, предложенного в свое время Л.В. Щербой и успешно разрабатываемого Н.В. Кулибиной [Кулибина 2015]. Определенный итог таких наблюдений фиксируется в послетекстовых упражнениях и заданиях. Важность этого аспекта работы, связанного с необходимостью развивать у учащихся умение извлекать «глубинную» информацию из художественного текста, заставляет постоянно совершенствовать формы учебного комментария. Примером успешной работы в данном направлении может служить опирающийся на теоретические положения Ю.Н. Караулова лексический комментарий в хрестоматии «Современная русская проза — XXI век»; см. [Ружицкий, Кузьмина 2009]. Можно с уверенностью утверждать, что притекстовый и послетекстовый комментарий станет более эффективным, если будет опираться также на базовые положения, связанные с информационной структурой текста, включающей присущие ей приемы актуализации значений языковых средств как в составе композиционных компонентов текста, так и текста как целого.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2021. 432 с.
2. Венедиктова Т.Д. «Антропограммы»: варианты прочтения // Круглый стол, посвященный Подороге. Журнальный клуб «Интелрос». НЛО, 2016. № 138 [Электронный ресурс] // URL: 2016http://intelros.ru/readroom/nlo/138-2016/30007-antropogrammy-varianty-prochteniya.html (Дата обращения 29.03.2022.)
3. Гуревич П.Ю. Лингвокультурологические аспекты изучения художественного текста в иноязычной аудитории // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022, № 1. С. 39–45.
4. Золян С.Т. Юрий Лотман о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2020, № 1. С. 106–119.
5. Каган М.С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. СПб.: Logos, 2003. 320 с.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.

7. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2015. 224 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 800 с.
9. Подорога В.А. Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. [Электронный ресурс] // URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/podoroga%3Dvur_i_smysl.htm (Дата обращения 21.03.2022.)
10. Ружицкий И.В, Кузьминова Е.А. Художественный текст в иноязычной аудитории // Материалы I Международной научно-практической интернет-конференции «Русский язык@Литература@Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом» [Электронный ресурс] // URL: istina.msu.ru/collections/3678336/ (Дата обращения 10.03.2022.)

Источники языкового материала

1. Битов А.Г. Но-га. [Электронный ресурс] // URL: https://librebook.me/detskii_mir_liudmila_ulickaia/vol3/4. (Дата обращения 21.03.2022.)
2. Дмитриев А.В. Другой берег // Знамя. 2020. № 11. С. 7–95.
3. Набоков В.В. Музыка // Собр. соч. в четырех томах. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 393–397.
4. Трифонов Ю.В. Посещение Марка Шагала // Трифонов Ю.В. Опрокинутый дом. М.: «Панорама». 1999. С. 409–417.

On the specifics of commenting on an fiction text in a foreign-language philological audience

Kira A. Rogova,

Saint Petersburg State University

E-mail: kira.rogova.31@mail.ru

The article discusses some types of compositional techniques in fiction texts containing information that can concretize their “hidden content” associated with the discovery of thoughts, emotional state of the character. The question about possible approaches to commenting on the content of such components of the text in the process of teaching Russian as a foreign language, which should lead to an independent interpretation of the text by students is raised.

Key words: analysis of the fiction text in a foreign language audience, hidden meanings of the text, personification of the participants in communication.